
СОЦИАЛЬНЫЕ РЕАЛЬНОСТИ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Юбилей российских реформ: социологический диагноз

М.К. ГОРШКОВ, Н.Е. ТИХОНОВА, В.В. ПЕТУХОВ

В конце 2011 – начале 2012 гг. исполняется двадцать лет с момента вступления России на путь проведения радикальных социально-экономических реформ, главной целью которых являлась, по замыслу их инициаторов, структурная перестройка российской экономики. Став одним из знаковых событий новейшей истории страны, на многие годы предопределившим траекторию ее дальнейшего развития, экономические реформы затронули все без исключения сферы жизнедеятельности государства и общества.

Уже ушли из жизни главные инициаторы процессов реформирования – Б.Н. Ельцин и Е.Т. Гайдар, но и сегодня обсуждение их политического наследия продолжает волновать значительную часть общества. Особенно в контексте современной – в высокой степени амбивалентной – эпохи, в чем-то наследующей курс, проложенный реформаторами, а в чем-то ему противостоящей; эпохи, когда одна часть общества критикует нынешние власти, обвиняя их в отказе от наследия реформ Ельцина – Гайдара и, прежде всего, от принципов политической демократии и экономических свобод, а другая, напротив, убеждена, что именно сохранение преемственности нынешнего курса реформам 1990-х является главной проблемой и тормозом развития страны.

Очевидно, что действия и поступки реформаторов ушедших десятилетий часто носили спонтанный характер и были во многом вынужденными, порожденными условиями тотального системного кризиса, разразившегося в агонизирующем СССР, когда времени на поиск «щадящих», постепенных путей реформирования уже не оставалось. В то же время массовое сознание склонно забывать исторический контекст, в котором осуществлялись реформы, многое мифологизировать и упрощать. Тем важнее оглянуться на события 20-летней давности, посмотреть на них глазами современных поколений россиян. Не менее важным представляется и анализ того, как произошедшие перемены сказались на жизни российских граждан, их социальном и материальном благополучии, возможностях самореализации, эволюции их мировоззренческих установок, национальной самоидентификации, взглядов на окружающий мир, роль и место в жизни общества государства, демократических институтов и норм и т.д.

Ключевые слова: российские реформы, пореформенная Россия, массовое сознание россиян, отношение к реформам, плюсы и минусы реформ, социально-психологическое состояние российского общества, жизненные проблемы и материальное положение россиян, социальный статус и социальная мобильность россиян, демократические институты и ценности, морально-нравственные ориентации россиян

В начале 90-х гг. XX в. наша страна находилась в состоянии глубокого системного кризиса, опасного своей способностью поражать все без исключения ячейки и сферы общества. Престиж власти, подорванный августовскими событиями 1991 г., падал. Недовольство охватывало все новые слои населения. Разочарованное

в способности союзного руководства во главе с М.С. Горбачевым вывести страну из кризиса или хотя бы затормозить катастрофические процессы, особенно остро проявлявшие себя в социально-экономической сфере, общественное мнение в РФ сделало ставку на сильного и харизматического лидера – Б.Н. Ельцина, однозначно поддержав его и на президентских выборах в июне 1991 г., и во время борьбы с «путчистами» в августе того же года. Среди массы сторонников Б.Н. Ельцина были не только «демократы по убеждению» и сторонники радикальных рыночных преобразований, но и те, кто просто увидел в нем силу, способную восстановить функционирование разрушенных государственных институтов, сплотить вокруг себя общество.

Необходимость проведения жестких и непопулярных мер в области экономики, связанных с резким повышением и либерализацией цен, приватизацией государственной собственности, формированием основных институтов рыночной экономики, не вызвала сомнений у большей части сторонников новой власти РФ; дискутировались лишь скорость и конкретные формы рыночных преобразований. В то же время предметом значительных дискуссий была и политическая составляющая рыночного реформирования.

Выбор Б.Н. Ельцина в пользу «команды Гайдара» – молодых экономистов, не имевших ни политического, ни управленческого опыта – в большой мере обусловил процесс рыночного реформирования «сверху» без учета мнения общества и депутатского корпуса, превратив реформы в преобразования во многом насильственного, авторитарного характера. В результате – с началом реформирования – общество стало постепенно отстраняться от влияния на процесс принятия решений, а попытки представительной власти как-то скорректировать ход событий стали восприниматься все более враждебно, что уже в 1992 г. значительно сузило социальную базу реформ, а в 1993 г. привело к известным событиям «черного октября».

«Лишним» для «правительства реформ» стало и народное представительство в виде системы советов всех уровней: как следствие, оно взяло курс на свертывание их деятельности. Новый слой бизнесменов, вставший у руля процессов перераспределения собственности, сформировался не снизу (из среды наиболее эффективных представителей малого и среднего бизнеса), а был фактически «назначен» сверху органами государственной власти, что надолго предопределило олигархический характер российского капитализма. Лишившись рычагов влияния на власть, общество постепенно становилось все более пассивным и инертным, граждане замыкались на решении своих личных проблем. А власть, лишённая эффективного контроля снизу, все сильнее погрязала в коррупции, бюрократической неэффективности, безответственности. Все эти проблемы, порожденные решениями, принятыми в начале 1990-х, до сих пор сохраняются, а во многом и продолжают усугубляться.

Сменившаяся на рубеже веков «эпоха», приход к власти людей с иным опытом и иными политическими взглядами привели лишь к незначительным переменам в социально-политическом строе страны: были частично устранены наиболее очевидные негативные последствия реформ, но в то же время основные социальные противоречия – неэффективное государственное управление, коррупция, чрезмерный рост социальной дифференциации, неработающие законы, отсталая социальная сфера – продолжали и продолжают оставаться серьезнейшими проблемами, пока не поддающимися решению.

Наряду с этим практически исчезли ростки политической демократии, пробивавшие себе дорогу в 90-е гг. XX столетия. Огромные проблемы испытывает бизнес, особенно мелкий и средний. Снижена вертикальная мобильность граждан. Все это свидетельствует об элементах социально-политического застоя, равно как и о том, что сегодня страна во многом находится перед очередной политической развилкой.

Для того чтобы оценить, как менялись оценки россиянами радикальных реформ начала 1990-х гг., в ходе мониторинговых исследований разных лет¹ респондентам задавались два вопроса. Один из них касался ретроспективы их отношения к реформам: опрошенных просили *вспомнить* свою реакцию на происходящее на момент начала реформ. Другой – оценки ими своего *нынешнего отношения к реформам*.

Данные, приведенные на *рисунке 1*, показывают, что в сознании россиян, в их оценках собственной реакции на события начала 1990-х гг. по-прежнему жива память о том общественном расколе, который эти события за собой повлекли.

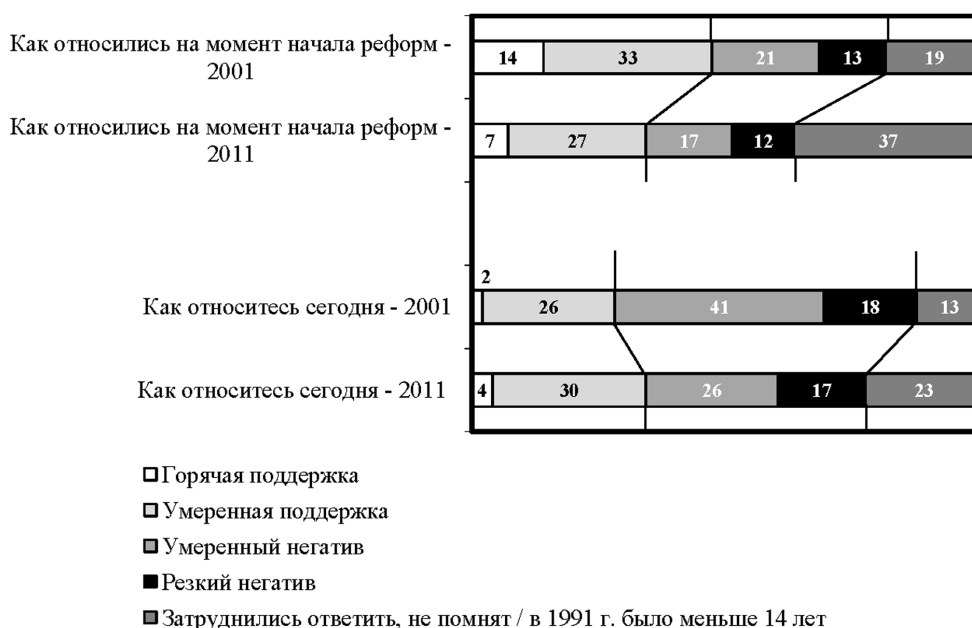

Рисунок 1. Отношение россиян к радикальным реформам начала 1990-х: текущее («как относятся сегодня?») и ретроспективное («как относились на момент начала проведения реформ?») (2001/2011 гг., %)

Как и десять лет назад общественное сознание воспроизводит сегодня картину противостояния двух лагерей российского общества – сторонников и противников реформ. В 2001 г. соотношение последних составляло 47% и 34% соответственно (разрыв в 1,4 раза в пользу сторонников реформ). В наши дни оно составляет 34% к 29% (разрыв в 1,2 раза, также в пользу сторонников реформирования).

¹ С целью выявления восприятия россиянами практик реформирования экономической, социальной и политической жизни социума за последние двадцать лет, тех сдвигов, которые произошли за эти годы в самом обществе, Институт социологии РАН (ИС РАН) провел в апреле 2011 г. общероссийское социологическое исследование «Двадцать лет реформ глазами россиян», в ходе которого по репрезентативной выборке во всех территориально-экономических районах страны, а также в Москве и Санкт-Петербурге было опрошено 1750 респондентов от 18 лет и старше, представлявших 11 социальных групп населения.

Одновременно эмпирической базой указанного исследования послужили результаты проекта, реализованного ИС РАН в 2001 г. «Новая Россия: десять лет реформ». Осуществление обоих исследований по однотипной модели выборки с использованием ряда однотипных вопросов (показателей) предопределило возможность проведения сопоставительного анализа, раскрывающего как нынешнее состояние массового сознания россиян, но и тенденции его развития, особенности проявления на различных этапах реформ – в 1990-е и 2000-е гг.

Конечно, со временем становится все меньше свидетелей тех событий, да и яркость исторической памяти постепенно блекнет. Если десять лет назад затруднялись оценить свое прежнее отношение к реформам 19% респондентов, то в 2011 г. таковых оказалось уже более трети (37%). Вместе с тем интересно, что воспоминания бывших сторонников реформ «блекнут» быстрее, нежели воспоминания их противников. И если эта тенденция сохранится, то через некоторое время опросы о том, на чьей стороне наши сограждане были в начале реформ, уже не смогут подтвердить тот исторический факт, что последние начали проводиться при поддержке относительного большинства россиян.

Одновременно с этим динамика текущего восприятия россиянами реформ демонстрирует «отложенный» позитивный социальный эффект преобразований, стартовавших в начале 1990-х. Так, в 2001 г. явной доминантой общественного сознания было недовольство реформами, о котором заявляло уверенное большинство опрошенных (59%). В поддержку преобразований выступали тогда лишь 28% россиян. Последующие десять лет заметно изменили картину общественно-мнения. Оценки реформ с позиции сегодняшнего дня отражают постепенное ослабление негатива и расширение зоны их позитивного восприятия. К 2011 г. доля людей, выражающих недовольство реформами 1990-х, «похудела» с 59% до 43%, а доля тех, кто оценивает их позитивно, выросла с 28% до 34%. И хотя до сих пор преобладающим отношением к реформам остается негатив, его позиции явно слабеют.

Где проходят основные линии раскола нашего общества в отношении реформ? Как показывают результаты опросов, последние поддерживаются наиболее образованной, молодой и активной частью российского общества, что, впрочем, характерно для любых перемен подобного типа. Прежде всего, среди сторонников реформ фигурируют представители молодежи, которые судят о переменах начала 1990-х лишь по школьным учебникам и рассказам родителей, но при этом воспринимают сложившуюся в результате преобразований социально-экономическую, политическую среду как вполне естественную, поскольку она является средой их взросления, личностного и профессионального становления. В молодежных группах минимальна доля тех, кто относится к реформам негативно (рисунок 2).

Напротив, поколение, которому на момент старта реформ было 40 лет и выше, оценивает их отрицательно; и чем люди старше, тем градус недовольства реформами выше. Если среднее по возрасту поколение (30–50 лет) демонстрирует в отношении произошедших перемен умеренный негатив, то люди, перешагнувшие 50-летний рубеж, воспринимают реформы резко отрицательно. Именно им уже в зрелом возрасте пришлось радикально менять устоявшуюся в предшествующие годы жизнь, и подавляющему большинству не удалось сделать это без потерь. Можно предположить, что если бы реформаторы 1990-х сумели реализовать в свое время специальные адаптационные программы для людей предпенсионного возраста, развитие страны, возможно, пошло каким-то иным путем, а социальное самочувствие старшего поколения россиян было бы не столь пессимистичным. Однако, как известно, история не знает сослагательного наклонения.

Проводит свою демаркационную линию и образование. Так, наличие высшего образования (или хотя бы преодоление первых ступеней к его получению) обеспечивает, как правило, позитивное восприятие реформ (46% положительных при 36% отрицательных оценок). Отсутствие же высшего образования, по всей видимости, не позволяет людям по достоинству оценить те возможности, которые реформы (при всей спорности методов их реализации) открыли перед обществом. Как следствие, во всех группах опрошенных, не имеющих высшего образования, отношение к реформам оказывается со знаком «минус», а в группе респондентов, чей образовательный уровень не поднялся выше средней школы, перевес «негатива» самый выраженный.

Среди жителей различных типов поселений наибольшей поддержкой реформ отличаются респонденты мегаполисов (Москвы, Санкт-Петербурга) и крупных городов в статусе областных центров (39–41% поддержки), тогда как в «глубинке» уровень таковой заметно ниже (21–33%). И в этом тоже нет ничего удивительного. Крупные города с их высоким темпом и разнообразием жизни формируют социальную среду, которая отличается потребностью к обновлению, изменению, освоению новой достижительной мотивации. Соответственно, идеи реформирования отвечают этой среде в гораздо большей степени, нежели среде небольшого провинциального поселения с размерным жизненным укладом и господством традиционных ценностей.

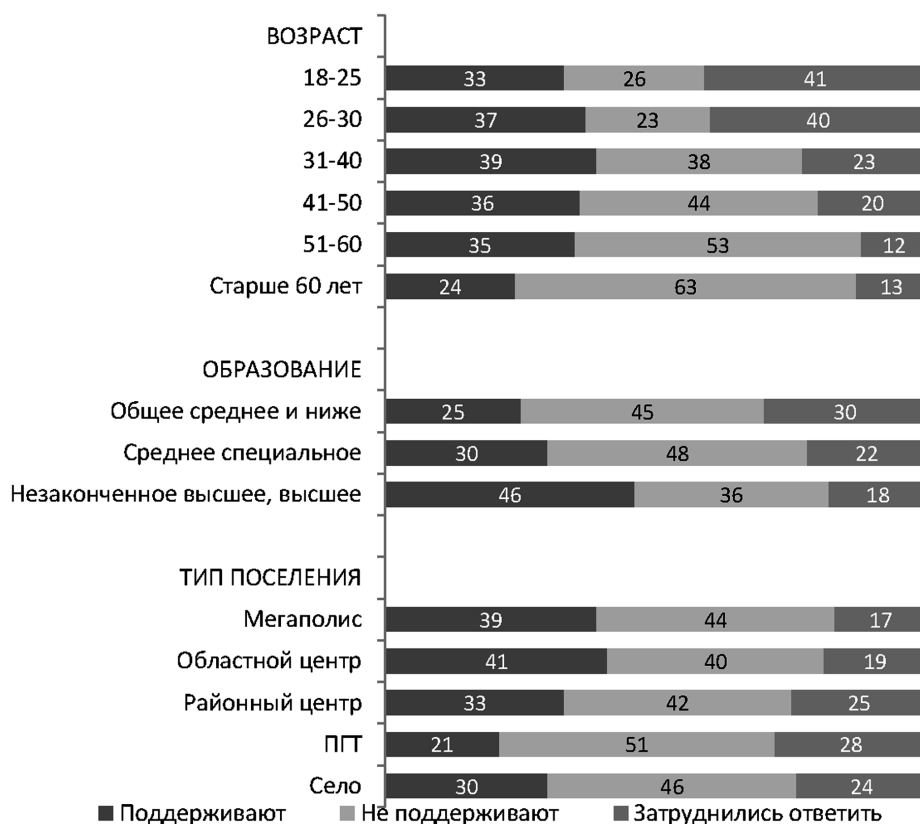

Рисунок 2. Отношение (на сегодняшний день) представителей различных социально-демографических групп к реформам 1991–1992 гг. (%)

Отличается отношение к реформам и по линиям социальной и материальной дифференциации общества. Причем материальный фактор оказывает на отношение россиян к реформам, пожалуй, наиболее сильное влияние. Социальные полюса, которые он формирует – группу людей с наивысшими самооценками материального положения и группу с самыми низкими самооценками – демонстрируют прямо противоположную реакцию на реформы. Так, среди опрошенных, считающих, что они хорошо материально обеспечены, большинство (51%) приветствует

реформы, и немногим более четверти (27%) ими недовольны (рисунок 3). В группе плохо обеспеченных респондентов картина обратная: большинство в 55% относятся к ним негативно, и только 22% поддерживают.

Сходную картину рисуют данные об отношении к реформам людей, которые за последние десять лет сумели повысить свой социальный статус, потеряли либо сохранили прежние позиции в социальной иерархии. Для анализа связи между динамикой социального положения людей и их отношением к реформам использовались два вопроса о социальном статусе: каким он был десять лет назад и каким является сегодня (самооценка по 10-балльной шкале).

Из рисунка 3 видно, что предпосылки для преобладания позитивных оценок реформ создает только повышение социального статуса (41% оценок «+» против 37% оценок «-»). Снижение или даже просто удержание прежних социальных позиций формируют в целом негативное отношение к реформам, и это неслучайно. Ведь простое воспроизводство условий жизни и, прежде всего, социального статуса – норма для общества, живущего стабильной жизнью. Реформы же обретают ценность в глазах общества или представленных в нем социальных групп тогда, когда приводят к улучшению социальной ситуации, когда общество/группы получают от них дивиденды, в противном случае их значимость девальвируется.

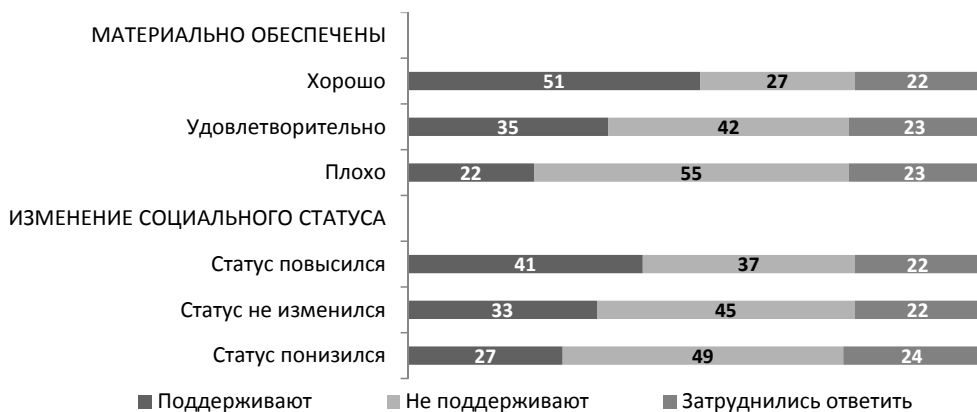

Рисунок 3. Отношение (на сегодняшний день) представителей различных социально-демографических групп к реформам 1991–1992 гг. (%)

Таким образом, анализ реформ с точки зрения «социального заказа» демонстрирует, что в большей степени они отвечают интересам активного меньшинства, которому стало «тесно» в рамках старой системы общественных отношений. Для большинства же, не сумевшего воспользоваться их плодами в должной степени, существенно повысить качество и уровень жизни, реформы остаются пока темным пятном в новейшей истории страны.

Противоречивость результатов осуществленных в стране реформ заставляет задуматься об их истинных целях. Являются ли неудачи реформирования результатом искреннего заблуждения молодых и недостаточно опытных реформаторов или же следствием изначального стремления поделить основные богатства и собственность страны в узком кругу, не допустив или отстранив большую часть общества от контроля за этим процессом? А, возможно, «негатив», связанный с реформами, был неизбежным злом, обусловленным катастрофическим развитием событий, угрозой голода и экономического коллапса? Как это обычно бывает, имело место сочетание и того, и другого, и третьего.

Отвечая на вопрос о цели реформ, участники опроса склоняются к наименее комплиментарному для реформаторов ответу: *истинной целью реформ был захват власти вторым эшелом советской номенклатуры и перераспределение в его пользу общенародной собственности*. Так считают 69% опрошенных. Лишь около трети готовы согласиться с точкой зрения, отстаиваемой «реформаторами», в частности, самим Е.Т. Гайдаром, согласно которой реформы проводились во имя спасения страны от экономического краха, голода, распада.

Ожидаемым результатом исследования является то, что негативное отношение к реформам связано в сознании респондентов с соответствующим толкованием их целей как стремления к власти и наживе. Действительно, среди тех, кто оценивает реформы резко негативно, подавляющее большинство (86%) считает, что целями реформаторов были власть и собственность.

Куда более любопытным и неожиданным может считаться то, что и среди тех, кто реформы одобряет, большинство (хотя и не столь преобладающее, на уровне 55–58%) также разделяет указанную точку зрения. Можно было бы предположить, что позитивное отношение этих людей к реформам связано с их личной выгодой. Однако детальный анализ социального состава группы респондентов, поддерживающих реформы, несмотря на признание корыстных целей реформаторов, показывает, что это не совсем так. Безусловно, благополучное материальное положение и продвижение по карьерной лестнице способствуют более снисходительному отношению к тому, ради чего в начале 90-х гг. ломались копыя. Однако различия не существенны: стремление к власти и переделу собственности признает за реформаторами большинство всех групп сторонников реформ, как благополучных в материальном и социальном смыслах, так и тех, кто беден и социально неуспешен (рисунок 4).

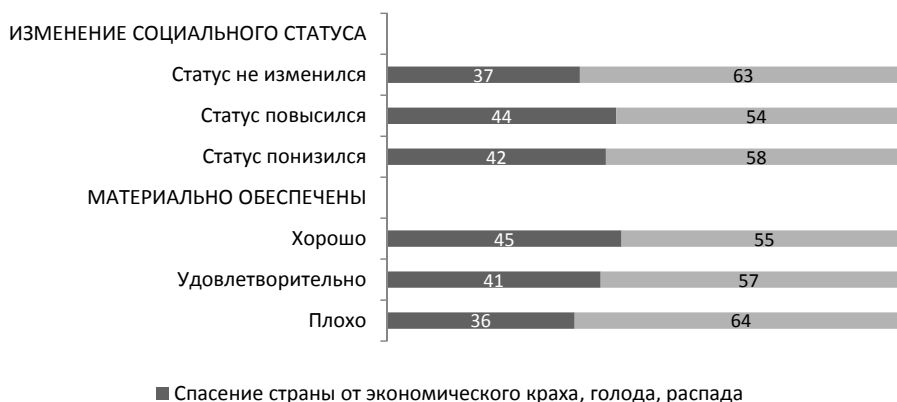

Рисунок 4. Представления о целях экономических реформ Ельцина-Гайдара среди сторонников реформ в зависимости от динамики их материального положения и динамики социального статуса (%)²

Хотя, как мы уже подчеркивали ранее, история не знает сослагательного наклонения, в обществе все еще обсуждается вопрос о том, были ли альтернативы осуществленным реформам, можно ли было выбрать другие методы их проведения в жизнь? Среди возможных альтернатив «гайдаровским реформам» россияне называют, прежде всего, развитие рыночных отношений, но без политической

² На рисунке не указаны затруднившиеся с ответом.

демократии (часто этот вариант характеризуют как «китайский» или «чилийский», он набирает 29%), а также реформирование общества с сохранением основ социалистического строя без масштабной приватизации и рыночной либерализации (25%). Причем, как видно из данных, представленных на *рисунке 5*, за последние несколько лет заметно сократилась доля сторонников реформирования России в рамках предшествующего социального строя, и, напротив, выросла доля «либерал-авторитаристов», считающих, что главный акцент надо делать на развитии рыночных отношений, а с демократией можно было бы повременить.

Рисунок 5. Оценка россиянами возможных альтернатив проведения экономических и политических реформ (2005/2011 гг., %)

Еще одним важным вектором является существенное сокращение (с 21% до 8%) доли тех, кто убежден, что реформы вообще не следовало проводить. Снижение этого протестного варианта компенсируется примерно соответствующим ему увеличением числа респондентов, затрудняющихся с ответом (с 11% до 21%). Доля же россиян, уверенных, что реформы были проведены именно так, как их и следовало проводить, по-прежнему исключительно мала (6%).

По мнению россиян, ошибки, неверно выбранная модель экономического и социального реформирования страны привели к ухудшению практически во всех основных сферах жизни общества и государства (*таблица 1*). Негативная динамика характерна, прежде всего, для уровня жизни населения (77% опрошенных), морального состояния общества (76%), экономики страны в целом (73%), социальной сферы – здравоохранения, образования, культуры (71%), межнациональных отношений (70%). Менее явное, но также значительное ухудшение наблюдалось в эти годы в сферах борьбы с коррупцией, обеспечения законности и правопорядка, борьбы с терроризмом и даже международного положения страны. Пожалуй, единственным направлением, где опрошенные отмечают не только минусы, но и плюсы, стала ситуация в области прав и свобод, развития демократии: в этом направлении 28% респондентов фиксируют улучшение, а 34% – ухудшение.

Таблица 1. Оценка россиянами положения дел в различных сферах жизни общества в 1990-е и 2000-е гг. (%)³

Сферы жизни	Улучшалось в период:		Не изменялось в период:		Ухудшалось в период:	
	1990-х	2000-х	1990-х	2000-х	1990-х	2000-х
Состояние экономики страны в целом	11	45	15	25	73	29
Уровень жизни населения	8	34	13	27	77	39
Моральное состояние общества	5	14	18	34	76	52
Межнациональные отношения	6	20	23	32	70	47
Международное положение страны	17	43	32	36	50	20
Ситуация в области прав и свобод, развитие демократии	28	28	36	48	34	23
Борьба с коррупцией, законность и правопорядок	6	14	25	35	68	49
Ситуация в социальной сфере (здравоохранение, образование, культура)	6	19	22	30	71	51
Борьба с терроризмом, ситуация на Северном Кавказе	10	26	27	37	62	37

Уже к концу 1990-х гг. направление реформ, предложенное Е.Т. Гайдаром и предложенное правительством В.С. Черномырдина, во многом себя исчерпало и потребовало корректировки. Примерно с 1998 г., ознаменовавшегося экономическим «дефолтом», подведшим черту под первым этапом реформ, начались попытки исправления их курса с целью минимизировать негативные последствия. Курс на корректировку взяло уже правительство Е.М. Примакова, однако, в целом новый период развития страны в «нулевые» связан с именем В.В. Путина, предпринявшего попытку стабилизировать социально-политические процессы, ввести «управляемую» политическую демократию, усилить роль государства за счет численного роста бюрократического класса, укрепления его влияния, обеспечить экономический рост, развитие социальной сферы и поднять жизненные стандарты россиян, сформировать новый «средний класс».

По мнению наблюдателей и экспертов, решив хотя и не до конца проблему стабилизации, страна заплатила за это высокую цену – замедление экономического и политического развития, что в свою очередь поставило под вопрос многие амбициозные планы возрождения России как великой державы. Отсюда противоречивость эпохи «нулевых»: с одной стороны, респонденты фиксируют позитивные по сравнению с 1990-ми гг. изменения во многих сферах жизни общества, а с другой – в своих оценках самих этих изменений весьма сдержанны. Согласно общественному мнению, наибольшие положительные сдвиги произошли в экономике страны (45% отмечают улучшение, а 29% – ухудшение), а также в положении России на международной арене (43% против 20%). Примерный баланс позитивных и негативных оценок наблюдается в отношении динамики уровня жизни населения – 34% против 29%, а также в отношении прав и свобод граждан, развития демократии – 28% против 23%.

Скорее со знаком «минус» воспринимаются развитие ситуации на Северном Кавказе и борьба с терроризмом (26% отмечают улучшение и 37% – ухудшение). Однако наиболее провальными оказались «нулевые» для морального состояния общества (52% отмечают ухудшение при 14% тех, кто видит улучшение), для ситу-

³ В таблице не указаны затрундившиеся с оценками.

ации с коррупцией, законностью и правопорядком (49% против 14%), а также для развития социальной сферы (51% против 19%). Все это говорит о том, что нынешнее поколение россиян анализирует происходившие в стране перемены, сообразуясь не только с «толщиной собственного кошелька»: не в меньшей, а, возможно, и в большей степени их волнует деградация социальной сферы и моральных устоев, особенно властвующей элиты; отсутствие того самого порядка, законности и справедливости, которые были обещаны руководством страны в начале 2000-х гг.

Учитывая тот факт, что зачастую реформирование в России осуществлялось без учета, а иногда и вопреки воле и желанию ее граждан, во имя неких «высших» общественных интересов, представляется крайне важным оценить достижения или неудачи реформ не только с точки зрения общественного блага, но и интересов отдельных людей. Судя по результатам исследования ИС РАН, реформы 1990-х были в этом отношении весьма конфликтны: так, на вопрос о том, что можно считать самым большим успехом, приобретением реформ, респонденты практически по всем показателям фиксируют их большее положительное влияние на развитие общества в целом, чем для себя лично.

Рисунок 6. Мнение россиян о том, что можно назвать самым большим приобретением реформ для общества в целом и лично для каждого (%)⁴

Как видно из данных, представленных на *рисунке 6*, в иерархии значимых достижений реформ лидирующие позиции занимают насыщение рынка товарами

⁴ Допускалось до трех вариантов ответа.

(52% для общества в целом и 40% для себя лично), свобода выезда за рубеж (32% и 27% соответственно), возможность зарабатывать без ограничений (25% и 28%), прекращение гонений за веру, усиление роли церкви в обществе (24% и 13%). В то же время наши сограждане весьма скромно оценивают такие фундаментальные изменения в жизни страны, как ликвидация «железного занавеса», сближение с Западом, легализация частной собственности, появление возможности для личного самовыражения, в том числе и в сфере политики. Можно предположить, что, испытывая значительные трудности с возможностями реализовать для себя лично указанные выше достижения, многие уже не видят в них каких-то позитивных изменений, снижая, таким образом, их значимость. Сказывается и постепенное привыкание россиян ко многим явлениям и процессам последнего двадцатилетия, которые постепенно становятся частью обыденной жизни.

Побавилось и число тех, кто к бесспорным завоеваниям реформ 1990-х относит такие фундаментальные слагаемые демократии как свобода слова и мысли, многопартийность, свободные выборы (рисунок 7).

Рисунок 7. Динамика представлений россиян о том, что можно назвать самым большим приобретением реформ для общества в целом (%)⁵

Что же касается значимости реформ для себя лично, то, судя по полученным данным, россияне ожидали от них гораздо большего, нежели получили в действи-

⁵ Допускалось до трех вариантов ответа.

тельности. Это видно, в частности, по значительному сокращению числа тех, кто относит к успехам реформ возможность зарабатывать без ограничений. Если в 2001 г. отметивших данную позицию было 42%, то сегодня – 28%. Безусловно, россияне, выигравшие от реформ, придерживаются иного мнения. Они не только много зарабатывают, но много путешествуют и в целом ведут яркую, насыщенную жизнь.

Если десять лет назад главными достижениями реформ россияне называли свободу слова и мысли, развитие частной собственности, свободу выезда за рубеж, то сегодня этот перечень возглавляют (помимо той же свободы выезда за рубеж) насыщение рынка товарами (41%), более интересная и яркая жизнь (23%), возможности для самовыражения и личной карьеры (30%). Свобода же слова и мысли в качестве несомненного достижения реформ для себя лично отходит на второй план – в наши дни о ней вспоминают лишь 15% опрошенных, считающих себя выигравшими в ходе реформ (ровно такая же доля, как и в группе проигравших от реформ).

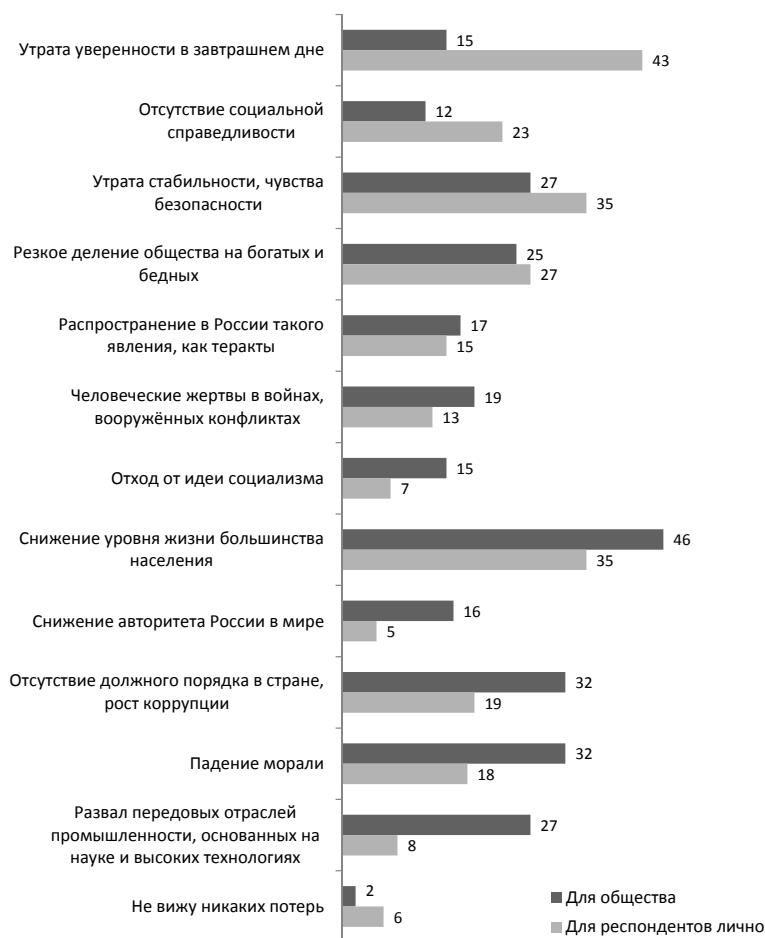

Рисунок 8. Мнение россиян о том, что можно назвать самой большой потерей в результате реформ для общества в целом и лично для каждого (%)⁶

⁶ Допускалось до трех вариантов ответа.

Говоря о минусах и потерях от реформ, следует заметить, что их список заметно шире, нежели список приобретений и достижений. Кроме того, из данных, представленных на *рисунке 8*, видно, что если по оценкам достижений реформ рейтинги «для общества в целом» и «лично для себя» в целом совпадают, то по оценкам потерь мы получаем два заметно различающихся рейтинга.

Наиболее значимыми потерями для общества опрошенные считают снижение уровня жизни большинства населения, падение морали, отсутствие должного порядка в стране и рост коррупции, развал передовых отраслей промышленности, утрату чувства стабильности и безопасности, резкое деление общества на богатых и бедных, – все эти позиции были названы не менее чем 25% опрошенных. В рейтинг потерь для себя лично россияне включают, прежде всего, утрату уверенности в завтрашнем дне, снижение уровня жизни большинства населения, утрату чувства стабильности и безопасности, резкое деление общества на богатых и бедных (25% и более), а также отсутствие социальной справедливости (23%).

Обратим внимание на то, что первый рейтинг (*потери для общества*) заметно более насыщен, чем рейтинг *личных потерь*. Таким образом, россияне чаще рассматривают негативные последствия реформ, прежде всего, в контексте общезначимых проблем. И это весьма тревожный симптом, свидетельствующий о социальном неблагополучии в стране.

Наши предположения подтверждает и динамика оценок россиянами наиболее существенных потерь от реформ для общества в целом. Несколько чаще, чем 10 лет назад, эти потери связываются в общественном сознании с утратой порядка в стране и ростом коррупции, усилением террористической угрозы, отсутствием социальной справедливости, делением общества на богатых и бедных. И хотя число россиян, включивших эти позиции в перечень наиболее значимых потерь, выросло незначительно (в пределах 4–9%), тем не менее, на данную тенденцию важно обратить внимание, поскольку она усиливает негативное прочтение россиянами реформ и их социального, экономического и политического наследия.

Однако есть и позитивные сдвиги. Сегодня респонденты реже, чем 10 лет назад, включают в перечень потерь снижение уровня жизни большинства населения, падение морали, развал передовых отраслей промышленности (снижение частоты упоминаний на 6–7%) и особенно снижение авторитета России в мире (снижение на 20%) (*рисунок 9*).

Динамика оценок россиянами потерь от реформ, которые важны лично для них, не столь рельефна: тенденции на усиление недовольства в одних сферах и на его ослабление в других здесь выражены меньше. Наиболее заметное усиление негативизма отмечается в 5-процентном росте числа опрошенных, считающих значимой лично для них потерей от реформ отсутствие социальной справедливости. Однако самое выраженное ослабление негативизма проявляется в снижении на 9% доли тех, кто в перечень потерь от реформ, актуальных лично для них, включает снижение уровня жизни большинства населения.

Таким образом, сегодня мы имеем дело с постепенным, хотя и не ярко выраженным переосмыслением россиянами основных достижений и неудач реформ – как для общества, так и для себя лично. Постепенно стихает главный лейтмотив недовольства ими: снижение уровня жизни большинства населения, которым обществу пришлось заплатить в свое время за преобразования. На смену ему в общественном сознании приходят новые мотивы для недовольства процессами реформирования: отсутствие должного порядка в стране и рост коррупции, отсутствие социальной справедливости, резкое деление общества на богатых и бедных.

Оценивая плюсы или минусы реформ, значительное число россиян фиксирует «сужение» возможностей социальной мобильности, личной самореализации, имеющее место в 2000-е гг. по сравнению с годами 1990-ми. Действительно в 1990-е гг. у активной части населения появились отсутствовавшие в советское время шансы реа-

лизовать себя в нарождающемся и еще относительно слабо контролируемом бизнесе. Жили тогда беднее, но проблема занятости не являлась первоочередной. Кроме того, сохранялась возможность влияния на политическую жизнь в центре и на местах.

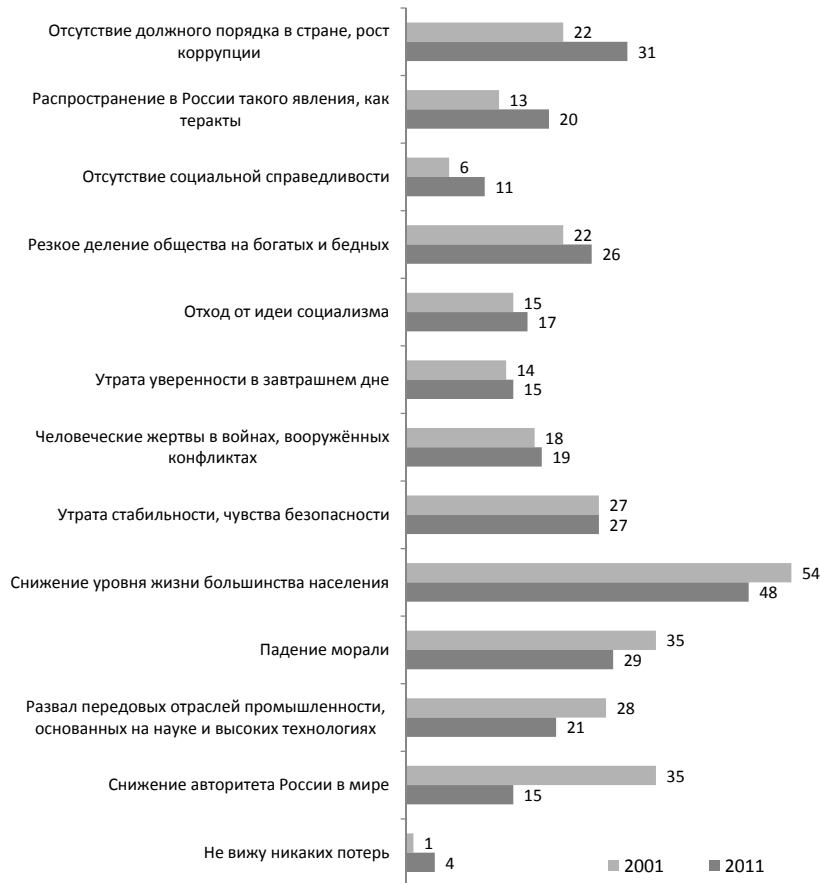

Рисунок 9. Динамика представлений россиян о том, что можно назвать самой большой потерей в результате реформ для общества в целом (%)⁷

Вместе с тем, когда респондентам предложили сравнить два периода – 1990-е и 2000-е гг. – по четырем основаниям: 1) возможности улучшить материальное благосостояние; 2) заниматься предпринимательской деятельностью; 3) профессионального роста и карьеры; 4) участия в общественной и политической жизни общества, – большинство из них отдало предпочтение 2000-м. Прежде всего, это касается таких сфер жизни как улучшение материального положения, возможностей профессионального роста и карьеры, занятий предпринимательской деятельностью. Так, существенно (с 9% в 2001 г. до 23% в 2011 г.) выросла доля респондентов, убежденных в том, что для многих россиян расширились возможности улучшения материального благосостояния. При этом практически в два раза (с 30%

⁷ Допускалось до трех вариантов ответа.

до 15%) уменьшилось число тех, кто придерживается противоположной точки зрения, полагая, что такие возможности для большинства россиян сократились.

Примерно такое же соотношение наблюдается и в оценках возможностей профессионального роста и карьеры. Число тех, кто считает, что последние возросли для многих людей, увеличилось с 13% в 2001 г. до 22% в 2011 г. Доля же уверенных в обратном, напротив, снизилась на 10%. Не столь существенные, но тем не менее позитивные сдвиги фиксируются и в оценках респондентами возможностей заниматься предпринимательской деятельностью. Судя по данным исследования, лишь возможности участия в общественной и политической жизни практически не претерпели за последние десять лет существенных изменений.

Понятно, что оценку происходящему респонденты дают с учетом того, какими возможностями располагают сами, и того, насколько им удалось этими возможностями воспользоваться. Как следствие, чем успешнее респонденты, тем выше их оценки того, как менялись на протяжении последних лет различные возможности граждан. Так, среди опрошенных, которым удалось подняться по социальной лестнице, заметно чаще встречается мнение, что возможности эти увеличились для большинства людей. Напротив, россияне, оставшиеся на прежних социальных позициях или пережившие снижение социального статуса, чаще других сетуют на то, что жизненные возможности и шансы на успех «схлопываются». При этом указанная логика «работает» в отношении всех тестируемых в исследовании сфер жизни – от улучшения материального положения до участия в общественной и политической жизни.

Вместе с тем, несмотря на заметно более позитивное восприятие населением развития страны в обозначенных сферах в 2000-е гг., следует отметить одно весьма важное обстоятельство, заметно остужающее выявленный нами оптимизм. Речь идет о том, что, рассуждая об обретенных россиянами благодаря реформам возможностях, получивших дальнейшее развитие в последние два десятилетия, относительное большинство опрошенных хотя и говорит о некотором их расширении, но вместе с тем подчеркивает, что возможности эти открылись не для всех, а лишь для узкого круга людей. Иными словами, сегодня, как и десять лет назад, основная масса российских граждан сталкивается со значимыми ограничениями и препятствиями, не позволяющими им реализовать собственный потенциал и возможности в жизненно важных областях и сферах деятельности в полной мере.

Социально-психологическое состояние россиян; чувства, которые они испытывают, во многом обуславливаются теми реалиями, с которыми им приходится сталкиваться в повседневной жизни. Чтобы понять, что именно эти реалии собой представляют и почему сложившийся в России тип социума кажется ее жителям столь несправедливым и нетерпимым, обратимся к процессам в жизни страны, вызывающим у россиян наибольшую тревогу.

Как показало исследование, в отличие от общего социально-психологического состояния, связанного с общим вектором развития России и восприятием его населением, чувство тревоги у россиян вызывают в первую очередь процессы, ассоциирующиеся с их повседневной жизнью.

Как видно из данных *таблицы 2*, безусловным лидером среди тревожащих россиян явлений в жизни российского общества выступает кризис системы ЖКХ и рост жилищно-коммунальных платежей, непосредственно затрагивающие абсолютно всех граждан страны, имеющих постоянное место жительства. Далее плотной группой идут позиции, набравшие от трети до половины голосов респондентов: а именно – низкий уровень жизни значительной части населения, сокращение доступа к бесплатному образованию и медицинскому обеспечению, коррупция и засилье бюрократии, рост цен на товары и услуги, рост алкоголизма и наркомании.

Таблица 2. Явления и процессы в жизни страны, вызывающие у россиян наибольшую тревогу (%)⁸

Явления и процессы	
Кризис системы ЖКХ, рост жилищно-коммунальных платежей	57
Низкий уровень жизни значительной части населения	50
Сокращение доступа к бесплатному образованию, медицинскому обеспечению	45
Коррупция, засилье бюрократии	44
Рост цен на товары и услуги	40
Рост алкоголизма, наркомании	34
Рост преступности, в том числе среди детей и подростков	30
Быстрое вымирание населения России	29
Безработица	28
Низкая гражданская и правовая культура людей, неумение бороться за свои права	24
Снижение морали и нравственности, падение семейных ценностей	16
Рост нерусского населения в традиционно русских областях	14
Возможность новых терактов	14
Наличие межнациональных противоречий в обществе	9
Рост числа детей-сирот, большое количество беспризорных и безнадзорных детей	9
Реформирование пенсионной системы, системы льгот	7
Сохранение напряженной ситуации в Чечне и вокруг нее	6
Ограничение свободы слова в центральных и региональных СМИ	4
Охлаждение отношений России с Западом	3
Затруднившиеся с ответом	2

Среди других тревог россиян особого внимания заслуживают рост преступности (тревожащий, главным образом, низкодоходные слои российских граждан), быстрое вымирание населения России, в равной степени волнующее всех, и безработица, тревога по поводу которой оказывается немного выше среди работающего населения страны (29%), чем среди экономически неактивного – студентов и неработающих пенсионеров (23%).

Несколько особняком в общем ряду указанных проблем стоят низкая гражданская и правовая культура людей и их неумение бороться за свои права, вызывающие тревогу у четверти россиян. Далее с большим отрывом идут снижение морали и нравственности, падение семейных ценностей, рост нерусского населения в традиционно русских областях и возможность новых терактов, которые, несмотря на их сравнительную частоту, оказываются на периферии сознания граждан страны. Все остальные позиции списка вызывают у россиян лишь слабое беспокойство и входят в пятерку тревог-лидеров у 4–9% опрошенных.

Для более глубокого понимания того, что стоит за этими цифрами, важно оценить не только их абсолютную величину, но и динамику. Сравнение данных 2008 и 2011 гг. показывает, что относительно одних процессов тревога россиян имеет тенденцию к росту, тогда как относительно других – к сокращению.

Среди первых – коррупция и засилье бюрократии, с одной стороны, и низкая правовая культура людей, их неумение бороться за свои права, с другой. Всего за три года рост тревожности по этим позициям, во многом являющимся двумя сторонами одной медали, был практически двукратным. Менее заметно, но также значительно выросли показатели тревоги по поводу кризиса системы ЖКХ и роста жилищно-коммунальных

⁸ Допускалось до пяти вариантов ответа. Отранжировано в порядке убывания распространенности.

платежей, низкого уровня жизни значительной части населения, а также сокращения доступа к бесплатному образованию и медицинскому обеспечению. В итоге все они вышли в число лидеров среди тревожащих россиян процессов в жизни современной России.

Среди проблем, которые стали волновать россиян меньше, следует упомянуть рост цен на товары и услуги, рост алкоголизма и наркомании, рост числа детей-сирот, большое количество беспризорных и безнадзорных детей и охлаждение отношений России с Западом.

Таким образом, относительно меньшую значимость для россиян стали иметь проблемы, с которыми большинство из них сталкивается не столько на собственном жизненном опыте (за исключением роста цен), сколько в виртуальном пространстве, во многом формируемом повесткой дня СМИ. И, напротив, выросла значимость проблем, которые отчасти являются результатом их собственного повседневного опыта (рост жилищно-коммунальных платежей, низкий уровень жизни значительной части населения, сокращение доступа к бесплатному образованию и медицинскому обеспечению), а отчасти – следствием смены повестки дня в СМИ (как, например, быстрое вымирание населения России).

Как выглядят в восприятии россиян проблемы, из-за которых они считают неустроенной собственную жизнь? Бесспорным лидером среди них является низкий уровень жизни, говоря о котором большинство респондентов имеет в виду не столько глубокую бедность, сколько малообеспеченность (рисунком 10).

Рисунок 10. Проблемы, из-за которых россияне считали свою жизнь неустроенной (%)⁹

⁹ Допускалось несколько вариантов ответа. Отранжировано в порядке убывания распространенности.

Второе место в списке отравляющих жизнь россиян проблем занимает отсутствие социальных гарантий на случай болезни, старости, безработицы и инвалидности. При этом серьезная обеспокоенность по поводу недоступности социальных гарантий тесно связана с озабоченностью незащищенностью от насилия: 37% тех, кто считает свою жизнь неустроенной из-за отсутствия социальных гарантий, включает в число собственных основных проблем и незащищенность от насилия. Как и некоторые другие аспекты озабоченности россиян, значимость проблемы отсутствия социальных гарантий имеет ярко выраженный региональный аспект, заставляя нас говорить о сильной региональной дифференциации в удовлетворении базовых социальных потребностей и в приемлемости предлагаемых в разных регионах страны «правил игры».

Далее по распространенности следует довольно большой блок текущих, повседневных проблем, каждая из которых «мешает жить» 18–20% россиян. Это проблемы, связанные со здоровьем респондентов или членов их семьи; проблемы, связанные с работой; отсутствие возможности провести свой досуг так, как хотелось бы; проблемы с жильем и уже упоминавшаяся проблема незащищенности от насилия, также имеющая ярко выраженную «региональную окраску».

А как выглядит динамика восприятия россиянами проблем, мешающих им жить, за последние 10 лет (*таблица 3*)?

Таблица 3. Проблемы, из-за которых россияне считали свою жизнь неустроенной (2001/2011 гг., %) ¹⁰

Причины неудовлетворенности жизнью	2001	2011
Плохое материальное положение	44	38
Отсутствие социальных гарантий на случай болезни, старости, безработицы, инвалидности	23	31
Проблемы, связанные с их здоровьем или здоровьем других членов семьи	22	20
Проблемы, связанные с работой	16	20
Отсутствие возможности провести свой досуг, как хотелось бы	18	19
Проблемы с жильем	19	19
Незащищенность от насилия	13	18
Семейные проблемы	17	15
Отсутствие времени, чтобы успеть сделать все необходимые повседневные дела	12	11
Проблемы, связанные с изменением их общественного положения в последние годы	8	8
Вредные привычки (алкоголизм, наркомания и т.п.) у кого-либо из членов семьи	6	7
Одиночество	6	5
Отсутствие возможности общения с родственниками и друзьями	4	4
Плохое питание	8	4
Отсутствие внимания со стороны других людей	3	4
Проблемы с одеждой или обувью	10	3
Считали, что живут нормально и не имеют особых проблем	24	26

Как видно из представленных в *таблице 3* данных, изменения на 5 и более процентов, произошедшие за последние десять лет, характеризуют лишь 4 позиции. По двум из них – плохое материальное положение и проблемы с одеждой и обувью – озабоченность россиян сократилась, а по двум – отсутствие социальных

¹⁰ Допускалось несколько вариантов ответа. Отранжировано в порядке убывания распространенности. Жирным шрифтом выделены позиции, по которым за последние 10 лет произошли изменения на 5 и более процентных пунктов.

гарантий на случай болезни, старости, безработицы и инвалидности, а также незащищенность от насилия – выросла. Таким образом, либо денег у россиян стало больше, либо они притерпелись к своему материальному положению, но в любом случае особых негативных изменений в области уровня жизни не фиксируется.

А вот факторы, негативно влияющие на качество жизни населения, в том числе и на его социально-психологическое состояние, явно демонстрируют рост своей значимости. И неслучайно среди основных потерь, которые реформы последних десятилетий принесли лично им, почти четверть россиян назвала отсутствие социальной справедливости. Безусловным же лидером (43%) оказалась утрата уверенности в завтрашнем дне. Все это свидетельствует о том, что усугубляющиеся проблемы наших сограждан связаны сегодня со сложившимся в России типом социума, который кажется им неправильным, несправедливым, не обеспечивающим никаких гарантий на случай тяжелой жизненной ситуации и элементарной защищенности от разных форм насилия.

Как обстоят дела с текущим материальным положением россиян? Начнем с уровня их ежемесячных доходов. По самооценкам респондентов, медианное значение ежемесячного душевого дохода составляет сегодня 9000 руб., среднее – 10415 руб. Эти значения заметно возросли по сравнению с прошлыми годами. Так, например, в 2010 г. первое из них составляло 7500 руб., а второе – 8954 руб.; в 2001 г. – 1350 и 1766 руб. соответственно.

Вместе с тем, за указанными значениями скрывается высокая дифференциация доходов: если в среднем по России величина прожиточного минимума составляла (по состоянию на начало 2011 г.) 5902 руб., то в нашем массиве респондентов с уровнем дохода не выше 5900 руб. в месяц оказалось 19%. Впрочем, нужно учитывать, что в вопросе анкеты речь шла о субъективной самооценке опрашиваемыми собственных доходов, которая, по данным социологических опросов, оказывается традиционно ниже официальной статистики как минимум в полтора раза.

Если же говорить о верхних 10%, то они имели доходы от 18000 руб. на человека в месяц. При этом максимальный среднедушевой доход респондентов, характеризовавший верхний процент распределения, находился в диапазоне 40000–80000 руб.

Каковы основные источники дохода россиян в настоящее время? Как видно из рисунка 11, для подавляющего большинства (77%) наших сограждан основным источником доходов выступает работа. Значительна и доля тех, кто в качестве такового называет пособия, пенсии и прочие трансфертные выплаты (34%); при этом почти 60% представителей данной группы не имеют в составе домохозяйств людей, получающих зарплату.

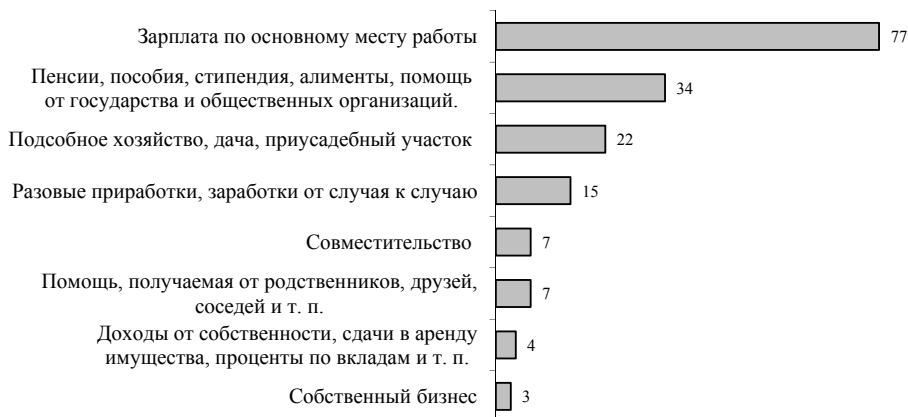

Рисунок 11. Основные источники дохода россиян (%)¹¹

¹¹ Допускалось несколько вариантов ответа.

Какие возможности обеспечивает россиянам тот уровень доходов, который они имеют? (таблица 4).

Как видим, картина самооценки населением различных сторон своей жизни складывается довольно противоречивая. С одной стороны, в настоящий момент практически все аспекты жизнедеятельности получают у россиян больше положительных, нежели отрицательных оценок. Последние преобладают только в вопросах об общей материальной обеспеченности, возможности отдыха в период отпусков и уровне личной безопасности.

В то же время наиболее распространенными во всех сферах, кроме сферы семьи, остаются оценки «удовлетворительно», которые дает больше половины населения. Более того, в 2010 г. картина даже ухудшилась: это кажется тем более парадоксальным, что объективно указанный год можно охарактеризовать как вполне успешный с точки зрения окончания наиболее острой фазы глобального экономического кризиса и роста доходов населения.

Одно из наиболее вероятных объяснений произошедшего – *утрата россиянами надежд на то, что выход страны из кризиса принесет с собой качественный перелом ситуации, повлекшая за собой и общий рост их неудовлетворенности*. Видимо, в начале кризиса россияне признали необходимость «затянуть пояса», но рассчитывали, что страна извлечет из него уроки на будущее или хотя бы он коснется всех в более-менее равной степени. Однако, *когда вся тяжесть кризисной ситуации оказалась возложена на рядовых граждан, а из острой ее фазы страна вышла с усугубившимися негативными тенденциями развития, население «ответило» на это ухудшением своего социально-психологического состояния и ростом общего уровня недовольства жизнью* вопреки стабилизации собственного материального положения, фиксируемой как статистическими, так и социологическими методами.

Таблица 4. Оценка россиянами различных аспектов своей жизни (%)¹²¹³¹⁴

Сферы жизни	Хорошо	Плохо	Разница	Справочно: разница в 2010 г.
Отношения в семье	55	4	51	48
Питаетесь	36	7	29	32
Место, регион, в котором Вы живете	33	9	24	28
Ситуация на работе	25	11	14	18
Одеваетесь	23	10	13	17
Состояние здоровья	24	13	11	17
Возможности проведения досуга	27	16	11	16
Ваше положение, статус в обществе	25	10	15	15
Возможность реализовать себя в профессии	24	20	4	9
Возможность получения образования и знаний, которые Вам необходимы	22	19	3	9
Уровень Вашей личной безопасности	15	16	-1	* ¹³
Возможность отдыха в период отпуска	20	29	-9	* ¹⁴
Материально обеспечены	14	24	-10	-3
Жизнь в целом складывается	28	7	21	26

¹² В анкете был также предусмотрен ответ «удовлетворительно», не приведенный в таблице, поэтому общая сумма ответов менее 100%.

¹³ В 2010 г. эта позиция в анкете отсутствовала.

¹⁴ В 2010 г. эта позиция в анкете отсутствовала.

Тем не менее, несмотря на негативную динамику последнего года, общие показатели удовлетворенности россиян своей жизнью продолжают сохраняться на достаточно высоких уровнях (рисунок 12), превосходя даже «период надежд» начала 2000-х гг. и лишь немного уступая весне 2008 г. и периоду радости от заканчивающегося, как тогда казалось, кризиса весной 2010 г.

Наиболее тесно показатели удовлетворенности жизнью связаны не только с оценками респондентами различных сторон своей жизнедеятельности, но и с оценками ими собственного выигрыша/проигрыша от реформ, а также своего социального статуса в обществе.

Выигравшими от проводимых в России с 1992 г. реформ считают себя всего 10% населения, проигравшими – 26%. Полагают, что они не выиграли и не проиграли, 35% респондентов, и еще 29% затрудняются с ответом на данный вопрос. При всем том, что сами по себе эти показатели кажутся не слишком благополучными, рассмотренные в динамике они свидетельствуют о медленном росте толерантности населения страны к проводившимся реформам. Так, если в 1996 г. соотношение считавших себя проигравшими от реформ и выигравшими от них составляло 86:14, то в 2001 г. оно выглядело уже как 76:24, а весной 2011 г. – как 72:28.

Одним из наиболее тяжелых и социально опасных последствий начатых в России реформ является активное расслоение населения на богатых и бедных, способствующее «смещению» вниз социальной структуры российского общества и приниженности социального статуса большинства россиян. Указанные проблемы вошли и в пятерку тех основных, с точки зрения наших сограждан, негативных последствий процессов реформирования, которые не только затронули их лично, но и оказались наиболее тяжелыми для общества в целом. Сказанное актуализирует вопросы о том, как сказались реформы последних десятилетий на расслоении современного российского общества, и как ощущают россияне свой нынешний социальный статус?

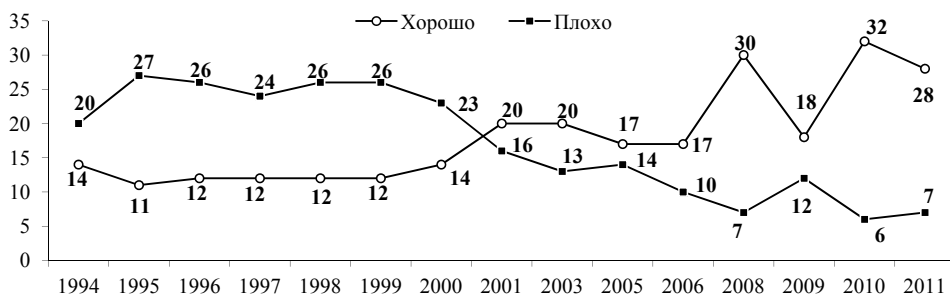

Рисунок 12. Как (по самооценкам россиян) складывается их жизнь в целом (1994–2009 гг., %)¹⁵

Сразу подчеркнем, что весной 2011 г. собственным статусом была довольна лишь четверть населения страны. Каждый десятый россиянин оценивал его однозначно отрицательно, и почти две трети российских граждан – как удовлетворительный. Какое же место на социальной лестнице должен занимать человек, чтобы быть довольным собственным статусом? Как показывают данные исследования, он должен находиться в верхней половине социальной лестницы, состоящей как бы из десяти ступенек. При этом среди тех, кто был однозначно недоволен соб-

¹⁵ В анкете присутствовал также ответ «удовлетворительно», не представленный на рисунке, поэтому общая сумма ответов менее 100%.

ственным статусом, более половины составляли находившиеся на двух нижних ее ступенях.

Методический прием, когда опрашиваемые должны указать свое положение на социальной лестнице, уже неоднократно применялся в социологии, в том числе и в наших исследованиях. Если, воспользовавшись полученными данными, попытаться построить модель социальной структуры современной России, то получится следующая картина (рисунки 13), во многом напоминающая ситуацию десятилетней давности.

Как видно из рисунка 13, на одних ступенях лестницы (3–6 позиции снизу) «толпится» довольно много людей, тогда как на других, полярных для распределения в целом (1–4 позиции сверху и 1–2 позиции снизу) – очень мало. Важно также, что картина социальной структуры российского общества, построенная на основе самооощущения россиянами своего места в социуме, заметно лучше той, что была «на входе» в реформы, в 1992 г., когда «низ» фигуры был гораздо более массивным.

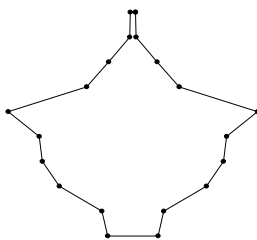

Рисунок 13. Социальная структура российского общества, построенная на основе оценок россиянами своего социального статуса в 2011 г.

Если, учитывая особенности каждой «ступеньки» социальной лестницы, попытаться объединить все ступени в определенные отрезки, соответствующие тому или иному классу в структуре современного российского общества, то получится следующая картина (рисунки 14).

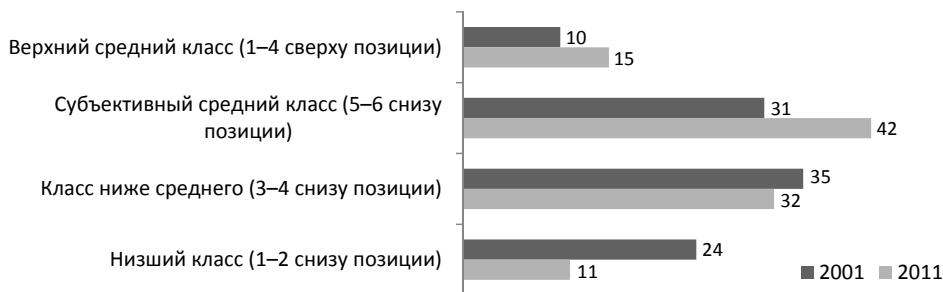

Рисунок 14. Численность основных классов, выделенных на основе оценок россиянами своего статуса в обществе (2001/2011 гг., %)

Таким образом, верхний средний и средний классы, выделенные на основе самооценок их членами своего социального статуса, составляют сегодня в совокупности 57% всех россиян. Это не просто очень высокий, но и максимальный за все годы наблюдений показатель: в 2001 г., например, совокупная численность упомянутых классов составляла 41%, а в период начала реформ (1992 г.) – 52%.

Вместе с тем, анализ ответов на вопрос, где *хотели бы* находиться россияне на лестнице социальных статусов, демонстрирует их нереально высокие запросы¹⁶, являющиеся реакцией на растущую поляризацию российского общества, явно чрезмерную глубину социальных неравенств в нем. Думается, что генерируемое углубляющимися социальными неравенствами нарастание социальных притязаний наших сограждан при заведомой невозможности реализации их желаний будет дополнительно «подогревать» и без того высокое недовольство сложившимися в стране «порядками».

Одним из ключевых для самооценки россиянами своего места в обществе вопросов выступает восходящий или нисходящий характер их социальной мобильности, опосредующей возможности достижения успехов в различных областях жизни. Что уже удалось добиться россиянам, и какова динамика их достижений в различных сферах жизнедеятельности (*рисунок 15*)?

Рисунок 15. То, чего россиянам, по их мнению, уже удалось добиться (2001/2011 гг., %)¹⁷

Как видно из *рисунка 15*, относительно массовыми достижениями россиян выступают наличие интересной и/или престижной работы и получение хорошего, по их мнению, образования. При этом по всем трем указанным позициям ситуация за прошедшие 10 лет улучшилась.

С другой стороны, почти по всем представленным на *рисунке 15* позициям снизился процент тех, кто к ним не стремился. Так, с 54% до 49% сократилась доля тех, кто не хотел бы иметь собственный бизнес; с 57% до 54% – не стремившихся

¹⁶ Так, нижняя из кажущихся привлекательными для сколько-нибудь массовой группы россиян «ступенька» – это 6-я снизу позиция. При этом практически такую же по численности группу составляют те, кто хотел бы находиться на 8-ой (соответствующей верхнему среднему классу) позиции, и почти столько же хотели бы находиться «на самом верху». В целом лишь 11% россиян устроили бы 1-5 позиции.

¹⁷ Две позиции (о карьере и доступе к власти) в исследовании 2001 г. отсутствовали, поэтому цифры по ним не приведены.

попасть в определенный круг людей; с 19% до 11% – не ставивших перед собой задачу получить хорошее образование; с 16% до 12% – не желающих иметь престижную работу. И в этом плане можно говорить о росте достижительных мотиваций среди россиян.

Однако что вкладывают наши сограждане в эти достижения? Самая массовая позиция, по которой россияне фиксируют наличие у себя последних – уже имеющееся хорошее образование, за которым в двух третях случаев скрывается высшее образование. Данные исследования показывают, что свыше 90% обладателей высшего образования считают, что имеют хорошее образование: иными словами, для россиян важен в данном случае сам уровень образования, а не его качество. Остальные среди тех, кто считал, что уже получил хорошее образование, – это люди со средним специальным образованием. Хотя среди всех, имевших такой уровень образования, лишь менее половины (42%) заявили, что уже получили хорошее образование.

Анализ установок, связанных с микромиром человека, а не с его местом в макросоциуме, позволяет утверждать, что здесь достижения россиян более существенны (рисунок 16).

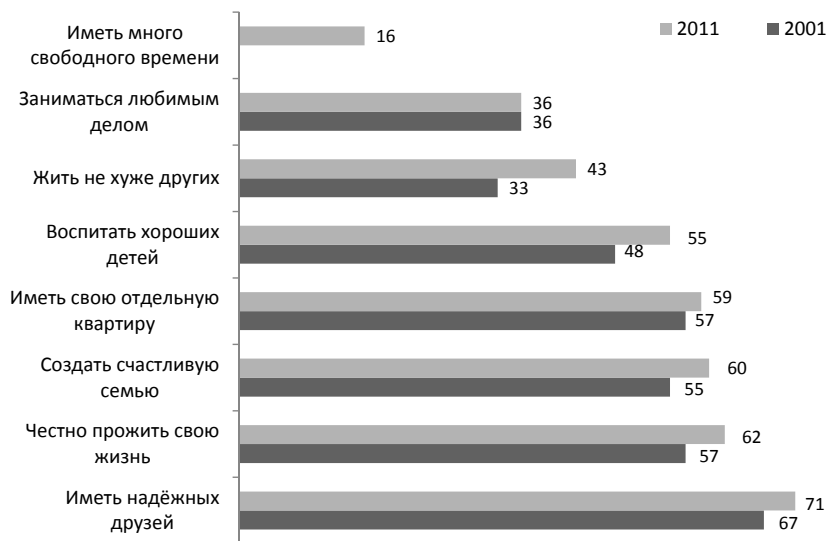

Рисунок 16. То, что россиянам, по их мнению, уже удалось добиться в их частной жизни (2001/2011 гг., %) ¹⁸

Как видно из рисунка 16, и в этих сферах их жизни динамика у россиян за последние 10 лет положительная. Большинству респондентов уже удалось найти надежных друзей, честно прожить свою жизнь, создать счастливую семью, жить в отдельной квартире и воспитать хороших детей. Учитывая, что по всем перечисленным позициям доля не стремившихся к успеху была минимальна (2–6%), можно утверждать, что частная жизнь большинства россиян складывается в целом неплохо.

Кажется поистине странным, что при таком благополучии в реализации наиболее значимых устремлений в частной жизни, вполне благоприятной динамике

¹⁸ Позиция о свободном времени в исследовании 2001 г. отсутствовала, поэтому цифры по ней не приведены.

материального положения, благополучной картине оценки собственного статуса, россияне отличаются неважным социально-психологическим состоянием, характеризующимся, с одной стороны, стабилизацией положительно окрашенных чувств и надежд на улучшение ситуации в будущем, а, с другой – ростом распространенности чувства несправедливости происходящего, стыда за нынешнее состояние страны, собственной беспомощности повлиять на ход событий. Однако более глубокий анализ еще раз подтверждает, что «не хлебом единым жив человек». Так, весной 2011 г. лишь 29% россиян были убеждены, что их жизнь, скорее всего, улучшится; 56% полагали, что она останется без изменений, и 15% – что она, скорее всего, ухудшится. При этом тремя годами ранее, весной 2008 г., наиболее массовой группой (46% опрошенных) также была та, представители которой полагали, что их жизнь в ближайший год не изменится. Вместе с тем, группа убежденных в том, что их жизнь улучшится, была тогда практически такой же численности (41%). Таким образом, доля россиян, оптимистично смотрящих в будущее, сократилась за последние три года почти в полтора раза.

Учитывая связь социально-психологического состояния россиян не столько с их материальным положением, сколько с ощущением ими своего статуса и их отношением к порядкам и «правилам игры», сложившимся в российском обществе, попытаемся оценить возможности наших сограждан улучшить свою жизнь и изменить собственное положение в обществе за счет территориальной мобильности. Куда готовы поехать или едут россияне «за лучшей долей»? И насколько оправданным оказывается для них такой шаг?

Результаты исследования демонстрируют (рисунок 17), что россиян вряд ли можно назвать «домоседами» и пространственная мобильность их очень высока: во всех населенных пунктах, за исключением городов-миллионников, более четверти их жителей – это те, кто приехал туда уже взрослыми. Коренное же население составляет в каждом из типов населенных пунктов около половины, и даже в селах лишь 56% – это их коренные жители.

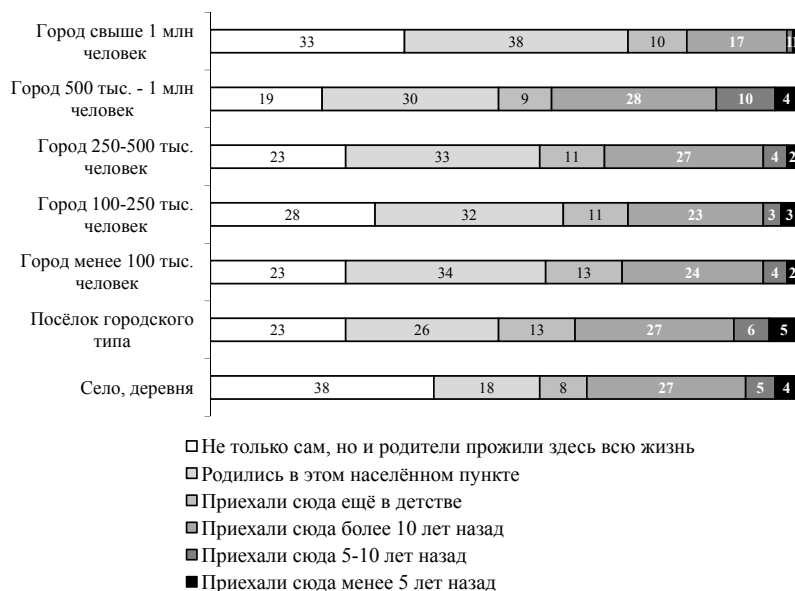

Рисунок 17. Доля в составе жителей различных типов населенных пунктов выходцев из различных типов поселений (%)

Вместе с тем, для разных поколений наших сограждан мобильность характерна в разной степени. Более того, есть основания утверждать, что мобильность россиян всех возрастных групп, за исключением молодежи до 30 лет, очень низка. Так, за последние 10 лет в средних и старших возрастных группах сменили свое место жительства всего 4–7%, в то время как среди молодежи данный показатель составил 13%.

Впрочем, в период, когда они были молодыми, представители старших поколений, судя по всему, отличались еще большей мобильностью, чем нынешняя молодежь. Во всяком случае, в старших поколениях (старше 40 лет) заметно ниже, чем в более молодых возрастах, доля тех, кто живет в том же населенном пункте, где и родился, и очень велика доля тех, кто приехал в них взрослым, но более 10 лет назад (28–39%). Таким образом, в советский период истории России мобильность была, видимо, гораздо выше, чем сегодня. Учитывая, что картина во многих локальных рынках труда поистине драматическая, такая ситуация говорит о том, что институционально межпоселенческая и межрегиональная миграция поддерживалась в те времена значительно лучше, чем в наши дни. В этих условиях *вряд ли можно настаивать на необходимости импорта в Россию рабочей силы из-за рубежа – пока еще в стране есть огромный ресурс перераспределения рабочей силы, практически не используемый в российской экономике.*

Вектор миграции россиян очень разнообразен (таблица 5). Вместе с тем, результаты исследования показывают, что *хотя миллионы и миллионы наших сограждан ехали и продолжают ехать «за лучшей долей» в крупные российские города, подавляющее их большинство вряд ли сможет найти в них то, что ищет. Возможно, именно поэтому от поколения к поколению сокращается доля лиц, решившихся на переезд в другой населенный пункт.*

Таблица 5. Состав жителей различных типов населенных пунктов в зависимости от места проживания до 18 лет (%)

Проживают в:	Выросли в:						селе
	городе свыше 1 млн чел.	городе 500 тыс. – 1 млн чел.	городе 250–500 тыс. чел.	городе 100–250 тыс. чел.	городе менее 100 тыс. чел.	ПГТ	
городе свыше 1 млн чел.	86	16	6	5	4	13	7
городе 500 тыс. – 1 млн чел.	1	60	12	8	9	11	2
городе 250–500 тыс. чел.	1	5	67	2	4	3	7
городе 100–250 тыс. чел.	2	4	4	67	3	1	–
городе менее 100 тыс. чел.	4	8	5	5	70	17	12
ПГТ	1	1	2	1	4	36	10
селе, деревне	5	6	4	12	6	19	62

Однако, если переезд внутри России в большинстве случаев себя не оправдывает, а недовольство собственной жизнью и местом в обществе присутствует, выходом может стать эмиграция – временный выезд «на заработки» или же переезд в другую страну на постоянное место жительства.

За последние 10 лет число россиян, желающих уехать за рубеж, заметно выросло (рисунок 18). Это дает основание утверждать, что *общее недовольство наших сограждан нынешней ситуацией в стране отчетливо проявляется в росте их установок на эмиграцию, причем в наибольшей степени эти установки распространены среди вполне благополучного населения.* Конечно, наличие желания поехать за рубеж отнюдь не означает наличия соответствующей «установки к действию», а тем более –

и самих действий в этом направлении. Однако наблюдающаяся картина представляется нам серьезным индикатором общего неблагополучия в стране.

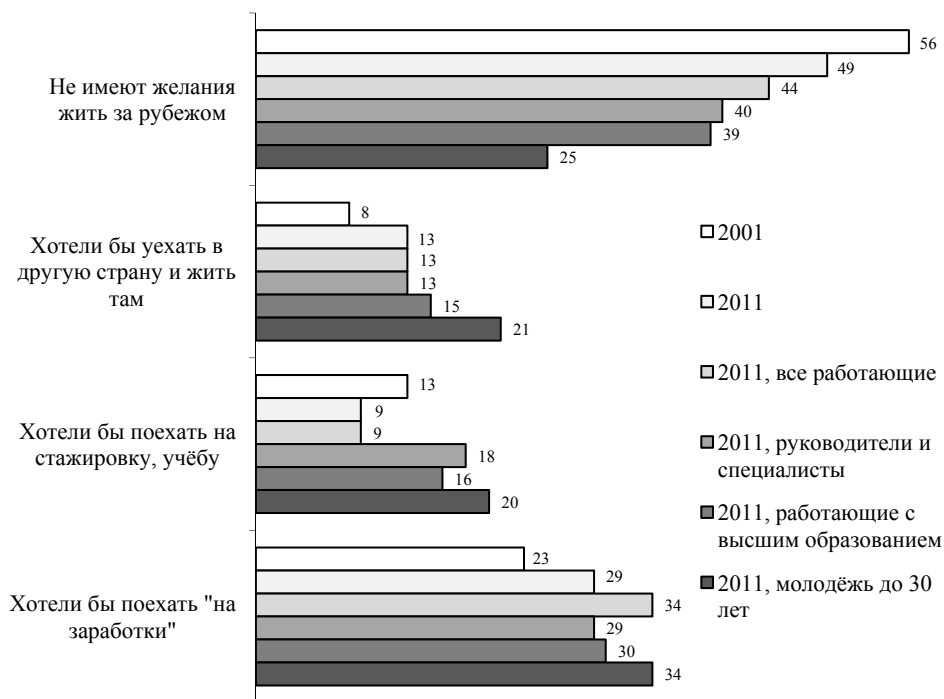

Рисунок 18. Отношение россиян к возможности уехать за рубеж (2001/2011 гг., %)

Неоднозначность отношения населения страны к реформам, неоднородность оценок происходящего в современном российском обществе побуждают нас обратиться к изучению взглядов россиян на роль государства в экономической и социальной сферах жизни общества, анализу надежд на него возлагаемых.

Данные исследования показывают, что представления большинства россиян об оптимальной модели государственного управления в сфере социальной политики выглядят следующим образом: *государство должно обеспечить всем определенный минимум, а остального каждый должен добиваться сам*. В настоящий момент подобную точку зрения разделяют 45% населения (таблица 6).

Таблица 6. Представления россиян о роли государства в социальной сфере (2011 г., %)

Представления	%
Государство не должно вмешиваться в жизнь граждан, каждый рассчитывает только на себя	2
Государство должно помогать только слабым и беспомощным	12
Государство должно обеспечить всем гражданам определенный минимум, а кто хочет получить больше, должен добиваться этого сам	45
Государство должно обеспечить полное равенство всех граждан (имущественное, правовое, политическое)	41

Ответы россиян на этот вопрос говорят и о том, какие модели социального устройства оказываются для наших сограждан совершенно неприемлемыми. Так, *поддержать либеральную модель социальной политики, при которой государство либо вообще не вмешивается в социальную сферу жизни общества, либо оказывает помощь самым неблагополучным слоям населения*, готовы всего 14% опрошенных. И это неудивительно, учитывая тот факт, что для 65% населения (по их самооценкам) будет сложно прожить без поддержки государства. При этом, несмотря на то, что *модель, при которой всем обеспечивается минимум, а остальное они добываются сами, является приоритетным выбором российского населения, лишь чуть меньшая доля россиян (41%) выступает за полное и обеспечиваемое государством равенство всех граждан.*

Чем различаются две наиболее значительные по численности группы – приверженцев модели полного равенства граждан, обеспечиваемого государством, и тех, кто считает, что государство должно гарантировать всем лишь определенный минимум? Анализ показывает, что важным фактором дифференциации выступает в данном случае *возраст*. Так, среди тех, кто старше 60 лет, доля сторонников всеобщего равенства превышает число выступающих за обеспечение государством лишь определенного социального минимума (49% против 37%). Играет свою роль и тип поселения: наибольший запрос на полное равенство предъявляют жители поселков городского типа, в то время как в крупных городах и, как ни странно, селах – больше сторонников активного участия самого человека в достижении определенных результатов.

Кроме того, большую поддержку модели полного социального равенства высказывают те, кто называет среди основных источников собственных доходов трансферты от государства. Среди них поддерживают указанную модель 44%, и 41% выступает за модель с обеспечением определенного минимума; в то время как среди тех, кто не зависит от государства с точки зрения источников дохода, эти доли составляют 39% и 47%, соответственно. Наконец, говоря о дифференциации предпочтений в зависимости от занимаемых социально-профессиональных позиций, следует указать, что за полное равенство выступают, прежде всего, неработающие пенсионеры и рабочие низкой квалификации, а за минимальные гарантии со стороны государства – чаще, чем представители остальных групп, руководители.

Анализ данных в динамике демонстрирует, что в течение последних 10 лет основное перераспределение голосов происходило вокруг двух наиболее популярных моделей – модели полного равенства и модели с гарантированным государством минимумом для всех. В настоящий момент *вариант полного имущественного, правового, политического равенства приобрел максимальное (за указанный период) количество сторонников*: сегодня его поддерживает 41% россиян. При этом социальная база поддержки второго – фактически преобладающего – варианта, наоборот, сократилась с 55% в 2001 г. до 45% в 2011 г. Возможно, происходящее, хотя бы и отчасти, объясняется тем, что для населения остро стоит проблема не только имущественного, но и правового, и политического неравенств, решения которых россияне ждут именно от государства.

Что это означает? А то, что *рост надежд на государство может быть связан не столько с желанием людей «все отобрать и поделить», сколько с обеспечением для всех россиян равенства возможностей, равенства перед законом, равенства в политических правах и свободах* – тех типов равенств, которые наши сограждане пока не видят в реальности. Предложенная нами трактовка подтверждается и тем фактом, что последние в массе своей являются сторонниками общества равных возможностей, а не общества равных доходов. Таким образом, можно говорить о том, что *россияне ждут от государства активной политики в социальной сфере, цель которой состоит в предоставлении всем гражданам страны равных*

возможностей для реализации своего потенциала, а также минимальных гарантий, способных «подстраховать» россиян в случае неблагоприятного развития ситуации в стране, проблем на рынке труда или неблагоприятной ситуации в их домохозяйствах.

Как, по мнению населения, должна выглядеть роль государства в экономической сфере жизни общества? Учитывая сказанное выше, неудивительно, что большинство россиян видит роль государства в экономике как ключевую. *Модель экономической сферы жизни общества, получающая поддержку наибольшей части россиян, – государство, которое восстановит государственный сектор, расширив при этом экономические возможности для населения. Классическая рыночная экономика, при которой вмешательство государства сводится к минимуму, а ведущая роль в экономической сфере жизни переходит к частным акторам, практически не поддерживается россиянами.*

Как видно из приведенных данных в таблице 7, население страны, с одной стороны, достаточно неоднородно по своим представлениям о надлежащей роли государства в экономике: ни один из вариантов ответа не поддерживается более чем половиной россиян. С другой стороны, модель, связанная со свободной рыночной экономикой, не принимается населением, и в этом смысле в обществе существует определенный консенсус. При этом 41% населения поддерживает экономику, основанную на государственной собственности, но с элементами рыночной экономики; 28% выступают за плановую экономику с централизованным регулированием и контролем над ценами. Наконец, 22% россиян считают, что тип государства в экономике не так важен – главное, чтобы во главе государства стоял сильный лидер, который взял бы на себя всю ответственность за происходящее в стране.

Таблица 7. Тип государства по отношению к экономике, в наибольшей степени отвечающий интересам России (1994–2011 гг., %)

Типы государства	1994	2001	2011
Государство, которое полностью восстановит централизованное регулирование экономики, контроль над ценами	16	18	28
Государство, которое свое вмешательство в экономику сведет к минимуму, предоставив максимальную свободу частной инициативе	13	8	9
Государство, которое восстановит государственный сектор экономики, одновременно расширив частные экономические и политические возможности граждан	40	37	41
Тип государства не имеет значения; стране нужен лидер, который возьмет на себя всю ответственность за происходящее в России и будет проводить решительную политику	21	23	22
Затруднились ответить	10	14	0

Продолжая обсуждение запроса россиян на роль государства в экономике, интересно проанализировать их отношение к введению в России такого элемента свободной рыночной экономики как частная собственность. В свете сказанного выше естественно, что даже сегодня каждый пятый россиянин (21%) отметил, что в свое время (в начале 1990-х гг.) отнесся к этому негативно. Положительное отношение к введению частной собственности высказывает в наши дни чуть более трети населения страны (35%); остальные занимают нейтральную позицию (29%) или затрудняются с оценкой (15%) (рисунок 19).

Рисунок 19. Отношение россиян к введению в стране частной собственности (2011 г., %)

Показательно, что по сравнению с 2005 г. поддержка населением введения в России частной собственности снизилась. Тогда более половины россиян высказывали положительное отношение к частной собственности, в то время как доля тех, кто относился к этому факту отрицательно, составляла только 16%.

Таким образом, среди населения возрастает не только запрос на ведущую роль государства в экономике, но и недовольство наличием частной собственности, распределение которой представляется нелегитимным и приводит к росту негативного отношения к частной собственности вообще.

Продолжая анализ представлений россиян о роли государства в экономике, посмотрим, управление какими организациями население хотело бы видеть в руках государства, а какие отнесло бы в сферу компетенций частного сектора (рисунок 20).

По распределению ответов на этот вопрос видно, как должна выглядеть структура управления экономической и социальной жизнью общества в восприятии россиян и как должны быть, с их точки зрения, распределены полномочия между государственным и частным секторами. Более 70% респондентов считают, что экономические структуры, связанные с природными ресурсами страны (электростанции, добывающие отрасли), транспорт, а также структуры, связанные с высшим и средним образованием (школы, вузы) и пенсионные фонды должны управляться исключительно государством. От половины до двух третей россиян поддерживают государственный контроль сферы строительства, предоставления и содержания жилья (ЖКХ), заводов тяжелой промышленности (машиностроение, металлургия) и медицины. По таким организациям и сферам, как дорожное строительство, банки, театры, музеи, библиотеки, доля тех, кто выступает за государственное управление, близка к доле тех, кто поддерживает совместное регулирование их как государством, так и частным сектором. Наконец, в управлении сельским хозяйством, производством продуктов питания, а также СМИ (газеты, телевидение) население хотело бы видеть как государственный, так и частный сектор.

Наибольшая доля сторонников только частного управления наблюдалась в оценке регулирования СМИ, но и там она не достигала даже пятой части населения. Таким образом, наши данные подчеркивают уже отмеченную выше склонность населения страны отводить ведущую роль в экономике государству, которая, однако, по мнению россиян, не должна полностью сводиться к централизованному плану хозяйству и частично совмещаться с частным сектором.

Прошедшие с момента старта реформ двадцать лет ознаменовались глубокими переменами в политической жизни страны. Несмотря на масштабность указанных изменений, посткоммунистическая Россия все эти годы характеризовалась как страна «переходного типа», перспективы эволюции которой в направлении демократии представляются весьма неопределенными.

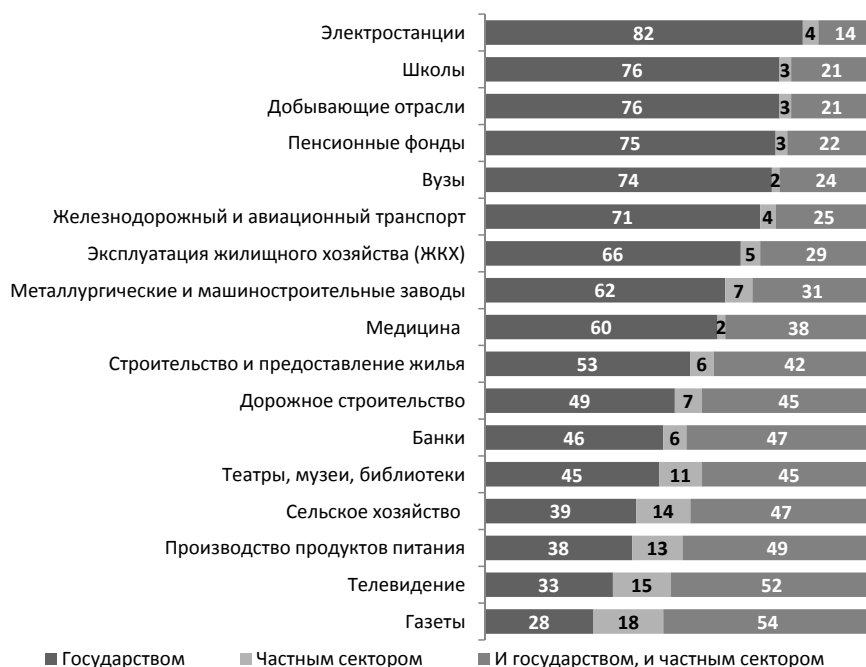

Рисунок 20. **Какие организации должны управляться государством, а какие частным сектором (%)**

Однако далеко не все оценки, даваемые зарубежными и российскими исследователями, находят подтверждение в социальной реальности. В частности, ничего общего с действительностью не имеет весьма распространенное среди экспертно-общества мнение о полной несовместимости традиций, культуры, менталитета большинства россиян с ценностями демократии.

Как показывают настоящее и предыдущие исследования, ни в 1990-е гг., ни сегодня российским обществом не подвергалась и не подвергается сомнению необходимость перехода от тоталитарной системы к демократическим формам и принципам правления. Спустя 27 лет после перестройки россияне признают важность и объективную предопределенность демократических преобразований, начатых М.С. Горбачевым, а также некоторых конкретных действий в этом направлении, осуществленных в 80–90-е гг. XX столетия (реабилитация жертв сталинских репрессий, снятие запрета на публичную критику высших должностных лиц, расширение гласности и свободы слова, ликвидация цензуры, демократизация выборов и т.п.).

Еще больше надежд с демократией связывали россияне в начале 1990-х гг. На волне революционной эйфории подавляющее большинство их видело в переходе к демократическому устройству общества надежду на лучшую жизнь. Дискредитированные в общественном мнении коммунистические ценности быстро замещались ценностями демократическими. Однако действительность очень скоро разошлась с этими во многом идеалистическими представлениями, вызвав у населения разочарование «демократией по-российски». Осуществление социально-политического и экономического проектов, на реализацию которых общество предоставило карт-бланш Б.Н. Ельцину, не оправдало ожиданий россиян. В результате негативное отношение к ним было перенесено и на демократические

процедуры и институты, с помощью которых указанные проекты воплощались в жизнь. Именно поэтому общество довольно равнодушно восприняло откат 2000-х гг., когда даже те небольшие завоевания демократии, которые были достигнуты ранее, постепенно сворачивались.

В последние годы в массовом сознании россиян происходила мало заметная внешне «селекция» жизненных и ценностных приоритетов, в ходе которой ценности демократии и прав человека стали перемещаться на периферию общественного внимания. В целом же сформировавшееся у россиян представление о демократии можно охарактеризовать как «благожелательный скептицизм», т.е. благожелательное отношение к самой идее демократии и крайне скептическое, а иногда и негативное к большинству институтов, призванных претворять демократическую идею в жизнь (выборы, парламентаризм, многопартийность, свобода слова и т.п.).

Так, несмотря на все издержки переходного периода, в сознании большинства наших сограждан укоренилось мнение, что не только «свобода лучше, чем несвобода», но и «демократия лучше, чем недемократия». Подобной точки зрения придерживаются 44% против 20% респондентов. Вместе с тем, нельзя не видеть и того, что число россиян, убежденных в важности демократических процедур, сократилось за последние 10 лет с 51% до 44%. С другой стороны, лишь около трети опрошенных (29%) назвали современную Россию демократической страной. Заметно больше тех (48%), кто так не считает, полагая, что современная Россия так же далека от демократии как и двадцать лет назад (рисунки 21).

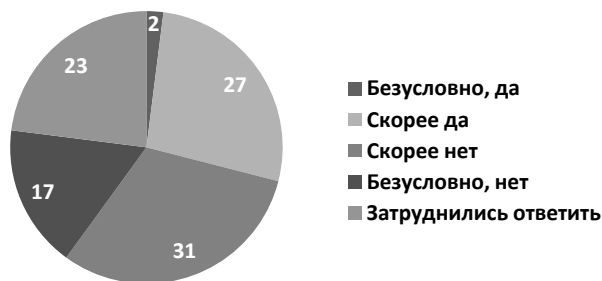

Рисунок 21. Мнение о том, можно ли назвать нынешнюю Россию демократической страной (%)

Характерно, что респонденты, представляющие различные материально-имущественные группы, совершенно по-разному оценивают ситуацию с демократией: у кого дела идут хорошо, у того и с демократией в России все в порядке, и наоборот. Так, среди выигравших от либеральных реформ России демократической страной считает практически каждый второй; в то время как среди тех, кто остался при «своих», – 34%, а кто проиграл – лишь 19%. Эти данные подтверждают хорошо известную истину – *стабильная демократия не может существовать без такого уровня экономического развития страны, который обеспечивал бы приемлемый для большинства граждан уровень благосостояния.*

Что же конкретно не устраивает россиян в отечественной модели демократии? Прежде всего, ее *элитистский характер.* И в 1990-е гг., и в настоящий период российский правящий класс весьма настороженно относился и относится к любым проявлениям «живого творчества масс», стремясь локализовать политическое участие граждан исключительно выборами, манипуляцией которыми нынешняя элита овладела в полной мере. В результате в стране практически не осталось людей,

которые были бы согласны с утверждением: в делах страны многое зависит от простых граждан. Напротив, три четверти россиян убеждены в обратном: все в нашей стране решают руководители и политики.

Этим же опосредован и резкий спад политической активности граждан и интереса к политике как таковой. Только за последние 10 лет доля россиян, постоянно интересующихся общественно-политической жизнью страны, сократилась с 26% до 18%; а тех, кто потерял к ней какой-либо интерес, напротив, увеличилась с 21% до 33%. Большинство же как и раньше политикой интересуется факультативно, только тогда, когда в стране или за рубежом происходят какие-то экстраординарные события.

Было бы, однако, неправильным объяснять упомянутый спад лишь олигархизацией власти, сужением пространства публичной политики. На масштабах активности сказались, например, и исчезновение «госзаказ» на участие, вследствие чего большинство россиян стало действовать, если так можно выразиться, в соответствии с концепцией «рационального выбора». Если общественно-политическая активность не сулит каких-то прямых материальных или карьерных выгод, не выступает в качестве некоего «социального лифта», жизненная энергия людей направляется в иные сферы и на другие объекты приложения их усилий. Это, прежде всего, работа, образование, семья, дети, ближний круг, творчество, досуг и т.п. В России появилась частная жизнь, а граждане страны получили свободу выбора между участием и неучастием, и, судя по нынешнему уровню политической активности, многие «правом на неучастие» воспользовались в полной мере.

Другая, не менее значимая причина недовольства состоит в крайне низкой эффективности функционирования большинства демократических институтов. Ведь демократия в представлении россиян – это, прежде всего, работающая система, ориентированная на идею общего блага, эффективность которой определяется степенью влияния демократических институтов на политику властей, динамикой уровня и качества жизни, социальной защищенностью граждан, масштабами коррупции, реальным обеспечением личных и коллективных прав и свобод граждан и т.п. В реальности же ничего из вышеперечисленного нет и не предвидится, что еще раз наглядно продемонстрировал финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. Он обнажил то, что многим было видно и раньше: *концентрация власти на ее верхних этажах при очевидной слабости и неэффективности других «несущих» конструкций политической системы, экономических и социальных институтов тормозит развитие общества и государства.*

Возникает закономерный вопрос: возможно ли, после того, что происходило в стране последние 10–15 лет, раскрепостить энергию россиян, вернуть им доверие к демократии, ее базовым ценностям и институтам, вновь вовлечь наших сограждан в общественную и политическую жизнь страны?

Дать однозначный ответ на этот вопрос сегодня невозможно. Все исследования последних лет демонстрировали не только сравнительно низкий уровень политического участия, но и равнодушие многих россиян даже к тем возможностям, которые предоставляет им Конституция РФ для борьбы за свои политические, экономические и социальные права и свободы. Есть, однако, симптомы, свидетельствующие о том, что общество постепенно «просыпается», все новые группы и слои включаются в общественную жизнь. Во всяком случае, уровень востребованности инструментальных ценностей демократии заметно превосходит показатели десятилетней давности (рисунком 22). Практически в два раза выросла доля респондентов, уверенных в том, что одним из наиболее эффективных способов воздействия на власть в целях отстаивания своих интересов являются акции прямого действия: выход на улицу, участие в митингах и демонстрациях (рост с 6% до 14%), а также в забастовках (рост с 6% до 13%).

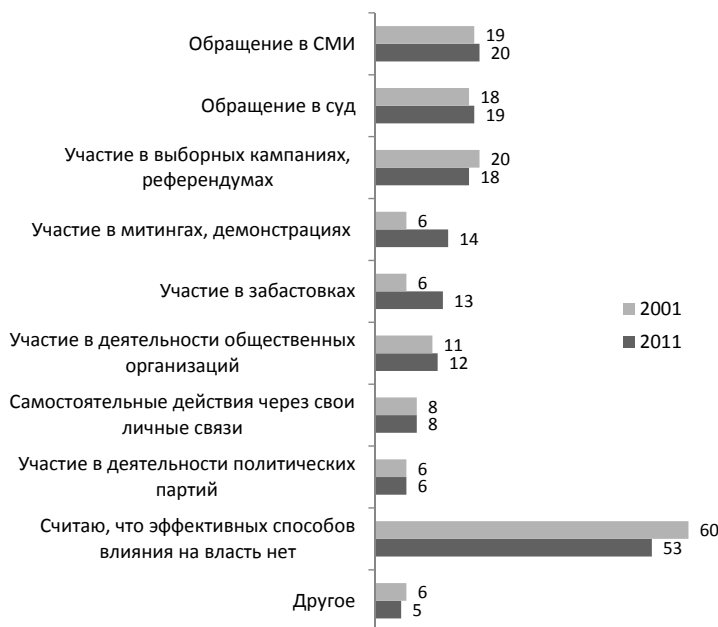

Рисунок 22. Оценки эффективности различных способов воздействия на органы власти с целью отстаивания своих интересов (2001/2011 гг., %) ¹⁹

По-прежнему высоко оценивается потенциал таких демократических институтов как СМИ, судебная система и общественные объединения, выражающие чаяния различных групп населения. Несколько поблекла значимость в глазах населения института выборов; традиционно низкой остается роль политических партий.

Выборы все чаще начинают восприниматься как формальность, если и нужная, то главным образом для того, чтобы не допустить безвластия и хаоса. Кого и как при этом выбирают, особого значения не имеет. В обществе есть также много тех, кто в принципе отвергает легитимацию власти через выборные процедуры. Именно неучастие, а не протестное голосование становится в результате самым распространенным средством выражения политического недовольства граждан. С учетом отмеченного крайне важным представляется возвращение институту выборов его истинного смысла и значения. Прежде всего, в качестве одного из ключевых инструментов воздействия большинства населения на властвующее меньшинство.

В то же время «демократия участия» не может и не должна сводиться лишь к голосованию на выборах. Современное общество нуждается в нахождении новых стимулов и форм гражданской самоорганизации, «перезагрузке» соответствующей инфраструктуры (партийной системы, системы местного самоуправления, социального партнерства, профсоюзов, локальных сообществ и т.д.). Очевидный спад интереса большинства граждан к политике может и должен компенсироваться разнообразными формами общественной самодеятельности, и подобная компенсация уже имеет место быть. Речь идет о внешне не очень заметных, но тем не менее происходящих достаточно интенсивно процессах коллективной интеграции, самозащиты и самоорганизации в рамках локальных обществ. Делегируя управленческие и политические функции «наверх», многие россияне демонстрируют

¹⁹ Можно было выбрать до трех вариантов ответа.

сравнительно высокий уровень включенности в решение тех или иных проблем, с которыми они сталкиваются в своем непосредственном окружении, но в еще большей степени выказывают свою готовность к этому в будущем. Так, отличительной особенностью России является то, что здесь как нигде и никогда ранее широкое распространение получили движения «одного требования» (автомобилистов, обманутых пайщиков и дольщиков жилищных пирамид и т.п.), которые, с одной стороны, спонтанны, а с другой, весьма организованны и эффективны.

В отличие от «большой политики» подобные формы участия не требуют каких-либо существенных затрат (временных, материальных, организационных) и поэтому востребованы, прежде всего, активной дееспособной частью общества. Они представляют интерес не только потому, что позволяют решать конкретные социальные и материальные проблемы людей, но и стимулируют их к общению, создают предпосылки для формирования групповой идентичности в рамках локальных обществ с перспективой выхода на более широкие социальные и общественные институты.

Итак, судя по результатам исследования, последние двадцать лет не изменили отношение россиян к демократическим ценностям и институтам, восприятие которых, в общем и целом, мало чем отличается от того, что имеет место в странах так называемых развитых демократий. В то же время взаимодействие таких факторов как неудачи социально-экономических реформ заметно снизили в глазах значительной части наших сограждан привлекательность демократии и обусловили сложное, двойственное отношение россиян к ней. За прошедшие двадцать лет она реализовалась лишь в качестве нормативной модели, но не проросла в ткань общественной жизни, не преобразовалась в демократию участия и соучастия.

Между тем опыт посткоммунистической трансформации свидетельствует, что, если демократические институты не воспринимаются обществом «инструментально», не востребуются людьми, они постепенно увядают, превращаются в имитационные муляжи. Сегодня общество подошло к рубежу, когда оно либо окончательно согласится с существующим порядком вещей, либо начнет искать пути и способы более активного влияния на окружающую жизнь. Оставаясь в целом не включенными в «большую» политику, не доверяя большинству государственных и общественных институтов, россияне, тем не менее демонстрируют интерес и реальную готовность к коллективным действиям и самоорганизации; начинают «просыпаться» молодежь и средние слои населения. А посему можно с определенной долей уверенности констатировать, что эти группы и слои населения, не только включатся в общественную и политическую жизнь, но и востребуют для реализации своих интересов демократические институты и процедуры.

Процессы, происходившие в России на протяжении последних десятилетий, не только трансформировали экономическую и политическую сферы жизнедеятельности общества, но и внесли существенные коррективы в обыденную жизнь, практики социальных отношений и взаимодействий людей, в понимание того, что есть жизненный успех, какие цели необходимо перед собой ставить и какими средствами для их достижения пользоваться.

Ретроспективный анализ новейшей истории нашей страны показывает, что с началом реформ российское государство фактически сложило с себя обязательства по реализации функций воспитания и поддержания в обществе морально-нравственных устоев. Как следствие, утратили свое значение прежде незыблемые (по крайней мере, на декларативном уровне) рамки поведения, которых люди придерживались в течение всей своей жизни. Каждый получил право решать для себя, «что такое хорошо, и что такое плохо», а прописанные в законе нормы уступили место «понятиям», стихийно складывавшимся в различных сообществах, на разных уровнях и в разных плоскостях социальных взаимодействий.

В то время как большинство населения с трудом адаптировалось к изменившейся ситуации, решая крайне актуальную в условиях массовой пауперизации задачу «сведения концов с концами», практически на глазах у всей страны шли процессы активной легализации теневого бизнеса и доходов, а многие добившиеся успеха люди азартно пропагандировали такие «секреты» собственного преуспевания как умение обходить закон, быть жестким, идти напролом и т.д. Те же, кто так и не сумел приспособиться к новой реальности, нередко поддавались соблазну объяснять собственные неудачи тем, что складывающееся в России «новое общество» отрицает понятия морали и нравственности, которыми они руководствовались ранее, и, что пользоваться ими, значит заведомо обрекать себя на провал и череду бесконечных неудач.

Неудивительно, что в этих условиях среди россиян широко распространилось представление о полной и, возможно, безвозвратной утрате нашим обществом и его гражданами нравственных ориентиров, о том, что «эрозия морали» достигла той критической точки, за которой грядет духовное перерождение, а точнее – выхождение России.

Согласно данным социологических исследований, падение морали оценивается как одна из самых масштабных и существенных потерь, которые за годы реформ понесло российское общество (рисунок 23). Из рисунка видно, что в «рейтинге» таковых она занимает второе-третье место (32%), лишь немного уступая по значимости лидеру – снижению уровня жизни населения (46%) и не демонстрируя с течением времени хоть сколько-нибудь значительного ослабления остроты восприятия нашими согражданами.

Рисунок 23. Потери, которые понесло в результате реформ российское общество (2001/2011 гг., %)²⁰

20 Сумма цифр по каждому году превышает 100%, т.к. можно было отметить до трех вариантов ответа.

Результаты исследований демонстрируют, что два последних десятилетия отличаются в массовом сознании россиян различной нагрузкой «реформенного негатива»: 1990-е гг. воспринимаются как десятилетие более тяжелых последствий, большего спада во всех сферах жизни общества, нежели годы 2000-е. Однако ухудшение морального состояния общества оценивается как один из наиболее выраженных негативных процессов на протяжении обоих десятилетий. Более того, если на исходе XX столетия проблема морально-нравственной деградации социума хотя бы отчасти уступала по значимости проблеме снижения уровня жизни населения, то в первом десятилетии нового века она превратилась в безусловного «лидера» негативных перемен (рисунки 24).

Рисунок 24. Оценка динамики ухудшения положения дел в различных сферах жизни российского общества в 1990-е и 2000-е гг. (%)

Стоит отметить, что сегодня, как и десять лет назад, падение морали вследствие процессов глобального реформирования социума воспринимается россиянами, скорее, как проблема общества в целом, нежели их собственная (таблица 8). На первые же места в рейтинге личных потерь, понесенных в результате реформ, выходят утрата уверенности в завтрашнем дне, снижение уровня жизни большинства населения, утрата стабильности и чувства безопасности, разделение общества на богатых и бедных, отсутствие социальной справедливости и порядка в стране и т.п.

Отчасти подобное «перераспределение акцентов» можно считать естественным, памятуя, что для каждого человека «ближе к телу» оказывается его собственная рубашка. Вместе с тем перемещение проблемы морали со второй на седьмую позицию, имеющее место при переходе от рейтинга «потерь для общества» к рейтингу «потерь для себя», может свидетельствовать и о том, что в своей повседневной жизни, в общении с окружающими людьми россияне не ощущают существенного ухудшения морального климата. Или ощущают, но не как тотальную моральную деградацию.

Таблица 8. Динамика актуальности позиции «падение морали» в рейтингах потерь, которые понесло российское общество в результате реформ (для общества в целом / для респондентов лично, 2001/2011 гг.)

	2001 год		2011 год	
	% указавших	место в рейтинге	% указавших	место в рейтинге
Рейтинг «для общества в целом»	35	2–3	32	2–3
Рейтинг «для Вас лично»	19	5–6	18	7

Приведенные данные позволяют предположить, что отношение россиян к проблеме морали в современном обществе складывается в двух плоскостях. Применительно к тому, что происходит в обществе в целом – это выраженный критический настрой и пессимизм, ощущение моральной деградации, потери обществом духовности и морально-нравственной опоры. Применительно же к собственной жизни и ближайшему окружению восприятие ситуации не столь критично: моральность (собственная и ближнего круга) как бы «выводится» из-под негативного влияния реформ.

Что же происходит на самом деле? Готовы ли россияне руководствоваться в своей жизни традиционными моральными нормами? И если да, то насколько? Как изменилось отношение к этим нормам за годы реформ?

Данные мониторинговых исследований говорят о том, что в целом – во всяком случае, на уровне деклараций – наши сограждане демонстрируют достаточно высокий морально-нравственный уровень, являясь противниками большинства поступков и явлений, считающихся аморальными или неэтичными. Так, к разряду безусловных табу для россиян относятся употребление наркотиков, гомосексуальные отношения, использование сексуальных связей для достижения корыстных целей; сюда же можно причислить и такие неприемлемые для большинства (пусть и не абсолютного) респондентов поступки, как уклонение от налогов и дача взятки.

Своеобразным водоразделом, за которым обнаруживается значительное число лиц, допускающих лично для себя совершение действий, традиционно считающихся аморальными, является отношение к сознательному обману других во имя достижения корыстных целей. Согласно данным 2011 г., последователей противников такого обмана – около половины населения (48%); при этом нередко прибегают к нему 6% опрошенных, 27% обманывают «редко», а еще 16%, не обманывая сами, не осуждают подобного поведения со стороны других людей.

Наконец, практически выведены из сферы действия моральных ограничителей курение и распитие крепких спиртных напитков, ставшие, как показывает практика наших дней, частью повседневной жизни многих россиян.

Исследования последних лет выявляют определенный релятивизм, просматривающийся в отношении поступков и действий, не приемлемых для большинства населения, и проявляющийся в «разрешении» совершать их, «выдаваемом» респондентами другим людям. Природа подобной «толерантности» в отношении «других», фиксируемой на фоне внешне строгого отношения к собственному поведению, может быть двоякой. С одной стороны, ее можно рассматривать как проявление сравнительно нового для России феномена – *мультиморальности*, предполагающей, что, придерживаясь своего морального кодекса, как правило, совпадающего с кодексом общепринятым, люди признают право других жить по их собственным законам. Для одних такое поведение – отражение действительной толерантности, для других – позиция, демонстрирующая окружающим «широту» взглядов, возможность казаться «современным», «продвинутым» и т.п.

С другой стороны, демонстрация терпимости в отношении действий и поступков других людей может мотивироваться стремлением дать социально

одобряемый ответ, прикрывающий «гибкость» собственных моральных ограничений. Так или иначе, но заявленное респондентами отношение к перечисленным выше действиям и поступкам свидетельствует, что *современные россияне стараются продемонстрировать внешнему миру образ человека достойного, придерживающегося традиционных норм и правил поведения и отрицающего большинство традиционно осуждаемых действий.*

Очевидно и другое: *сегодня актуальность большинства моральных норм заметно выше, нежели 10 лет и тем более 15–20 лет назад.* Сравнение данных, полученных в 2011 г., с данными опросов 1997 и 2001 гг. показывает, что доля противников большинства традиционно признаваемых аморальными действий и поступков увеличилась. Прежде всего, это касается употребления наркотиков, гомосексуализма, использования сексуальных связей для достижения корыстных целей, уклонения от налогов (*таблица 9*).

Безусловно, различные группы и слои населения отличаются друг от друга с точки зрения набора и распространенности в них определенных моральных норм. Анализ существующих здесь различий возможен на основе условного «деления» респондентов на три группы в зависимости от того, как часто, оценивая действия и поступки, традиционно относимые к категории аморальных, они выбирали позицию «я – противник этого»:

- респонденты, для которых не приемлемыми оказались все шесть включенных в рассмотрение ситуаций²¹, были отнесены к группе лиц с «высоким моральным статусом»;
- неприятие 4–5 ситуаций определяло отнесение опрошенных в группу со «средним моральным статусом»;
- неприятие трех и менее ситуаций, традиционно воспринимаемых как аморальные, позволяло включить респондентов в группу с «низким моральным статусом».

Согласно данным исследования 2011 г., доля «высокоморальных» респондентов составила среди опрошенных россиян в целом 31%; доля обладателей «среднего статуса» – 39%; доля лиц с «низким моральным статусом» – 30%.

Важным фактором, учитываемым при анализе распространения моральных норм в современном российском обществе, выступает *религия*. Несмотря на то, что к настоящему моменту церковь не стала в России институтом, оказывающим существенное влияние на моральное самоопределение большинства населения, следует отметить наличие связи между отношением респондентов к религии и их моральным статусом. Первая особенность – заметное отставание атеистов от верующих людей в отношении к рассматриваемым моральным нормам. Если среди разных групп верующих доля опрошенных с высоким моральным статусом составляет 31–41%, то среди атеистов таких только 25%. Вторая особенность – выраженное лидерство по демонстрации приверженности моральным нормам среди респондентов – последователей ислама. Среди них высоким моральным статусом обладает 41%, тогда как среди последователей православия и других религий, а также верующих без принадлежности к какой-либо конфессии – только 31%.

Традиционно считается, что существенные различия в «моральном облике» людей во многом связаны с тем, *где они проживают* – в крупных городах, мегаполисах или в провинции. Мегаполисы с их жестким ритмом жизни и работы, амбициями и притязаниями представляются жизненными территориями, в которых человеку, стремящемуся достичь поставленных целей и не выпасть из «обоймы преуспевания», часто приходится переступать через общепринятые нормы и

²¹ В данном случае учитывались отношение к шести видам действий и поступков: сознательному обману в корыстных целях, гомосексуализму, использованию сексуальных связей в корыстных целях, уклонению от уплаты налогов, даче взяток и употреблению наркотиков. Еще две позиции – курение и употребление крепких спиртных напитков – были исключены из анализа в силу толерантного отношения к ним большинства населения.

правила. Да и общественное мнение крупных городов в вопросах морали часто воспринимается как более «гибкое». Напротив, провинция с ее спокойным, размеренным темпом жизни, сравнительно скромными запросами, традиционностью и консерватизмом имеет образ жизненной территории, где люди в первую очередь заботятся о спокойствии своей совести и душевном равновесии.

Таблица 9. Динамика отношения респондентов к поступкам, которые принято считать недопустимыми (1997–2011 гг., %)

«Скажите, пожалуйста, приходилось ли Вам...?»	Да, часто	Редко (только пробовал)	Сам этого не делал, но не осуждаю	Нет, противник этого	Не хочу отвечать
употреблять наркотики					
1997	2	8	8	79	3
2001	1	4	2	91	2
2011	1	3	4	90	2
иметь сексуальные отношения с человеком своего пола					
1997	3	5	30	49	13
2001	0,3	0,2	9	84	6
2011	0,1	0,5	8	87	4
использовать сексуальные связи для достижения корыстных целей					
2001	1	2	18	71	8
2011	0,3	2	14	77	7
уклоняться от налогов					
1997	6	6	33	45	10
2001	3	5	22	62	8
2011	2	6	19	67	6
давать взятки					
1997	6	16	26	46	6
2001	3	12	15	65	5
2011	4	16	16	59	5
сознательно обманывать кого-то для достижения своих целей					
1997	13	33	12	34	8
2001	5	22	11	54	8
2011	6	27	16	48	5
курить					
1997	48	27	11	13	1
2001	40	15	11	33	1
2011	41	16	9	32	2
пить крепкие спиртные напитки					
1997	37	45	4	7	7
2001	31	42	5	16	6
2011	27	46	6	18	3

Как показывают данные опроса, провинции, особенно ПГТ, села и небольшие города с населением менее 100 тыс. чел. действительно обгоняют крупные города «по части морали». Например, в городах-миллионниках доля тех, кто признает все рассматриваемые в исследовании моральные нормы, минимальна – 23%; тогда как в ПГТ доля людей с высокой моральной планкой достигает 43%; в малых городах, селах и деревнях – 34–35%.

Несколько иные акценты в поселенческую карту распространения моральных норм в России вносит *место взросления респондентов*. Моральная планка людей, которые не просто живут в условиях городов-миллионников, но и выросли в них, впитали их «ценностный дух» с малого детства, оказалась еще ниже – всего 21% имеющих высокий моральный статус и 37% обладателей низкого морального статуса. Провинция же заметно более успешно выступает в роли воспитателя людей, придерживающихся всех общепринятых моральных норм.

Наконец, еще один важный фактор формирования отношения людей к принятым в обществе моральным нормам связан с *динамикой социального статуса людей в годы реформ*. Считается, что успех, достижения человека нередко трактуются сегодня как производные от его готовности пренебречь устоями, действовать вне сложившейся морально-нравственной матрицы. В какой степени оправдан подобный взгляд?

Воспользуемся ретроспективной динамикой социального статуса респондентов, данной ими самими в ходе исследования. Опрошенным предлагалось оценить, на какой (из 10 условных) ступени социальной лестницы они находились, по их мнению, в начале реформ (1991–1992 гг.), в 2000–2001 гг., и где они располагаются сегодня. Выделим на основе сравнения полученных данных группы опрошенных, которые поднялись, опустились или остались на той же ступени (а) в 1990-е; (б) в 2000-е гг. Каким моральным статусом обладают представители этих групп?

Среди сумевших подняться по социальной лестнице как на первом, так и на втором этапах реформ доля людей с высоким моральным статусом оказалась наиболее низкой (24%). Среди переживших в эти периоды социальное падение таких оказалось заметно больше: 30% в группе тех, кто опустился по социальной лестнице в 1990-е гг., и 33% в группе переживших подобное снижение в 2000-х гг. Казалось бы, налицо зависимость – чем человек последовательнее в своих моральных принципах, тем труднее ему в жизни. И напротив, пренебрежение общепринятыми нормами способствует жизненному успеху.

Однако эту логичную, на первый взгляд, картину, нарушают группы опрошенных, которые никуда не двигались по социальной лестнице, не пережив за рассматриваемые периоды ни взлетов, ни падений. Именно среди их представителей отмечается самая большая доля людей, находящихся в полном согласии с моралью и нравственностью (36–38%). И здесь же фиксируется наименьшее число тех, кто склонен к игнорированию общепринятых норм и правил (26–27% при 29–34% в группах социальных лидеров и аутсайдеров).

Таким образом, формула зависимости социального продвижения от морального статуса дополняется еще одной важной переменной – *социальной стабильностью*, которая связана с высоким моральным статусом человека сильнее, нежели социальный успех или неуспех.

Тем не менее зависимость жизненного успеха от приверженности моральным нормам или готовности ими пожертвовать, безусловно, существует. Во всяком случае, в умах наших сограждан. Более того, сравнение данных опросов 2003 и 2011 гг. позволяет констатировать укрепление этой позиции: если в 2003 г. на жестокость окружающего мира, иногда вынуждающую переступать через моральные принципы, ссылались 34% опрошенных, то к сегодняшнему дню их доля выросла до 43%; одновременно с 65% до 56% сократилось число респондентов, готовых соблюдать моральные принципы и нормы, даже если это грозит им жизненным неуспехом (*рисунк 25*).

Одновременно с этим в обществе растет доля людей, готовых активно бороться за свои права и интересы (с 57% до 68%); и снижается доля тех, кто предпочитает приспособливаться к реальности, не тратя сил на борьбу с ней (с 41% до 31%). Усиливается понимание того, что человек является кузнецом своего счастья и жизненный успех и неудачи находятся в его руках (с 46% до 54%), и, напротив,

ослабляется ранее преобладавшая точка зрения, согласно которой жизнь человека в гораздо большей степени определяется внешними обстоятельствами, нежели его собственными усилиями (с 53% до 45%).

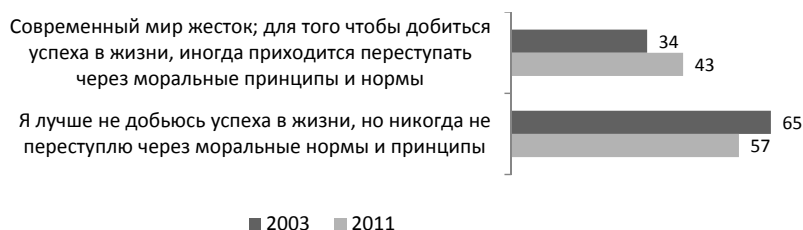

Рисунок 25. Выбор между моралью и успехом (2003/2011 гг., %) ²²

Означает ли наращивание российским обществом энергетического потенциала, стремления отдельных его членов к активному росту, продвижению, борьбе за свои интересы – очередную угрозу общественной морали? Судя по данным исследования, поводов для подобного рода беспокойства нет. Среди опрошенных, демонстрирующих активную жизненную позицию, стремящихся к успеху и считающих, что за этот успех нужно бороться и достигать его собственными усилиями, – распространенность моральных норм практически такая же, как среди людей, ориентирующихся на приспособление к реальности и подчиняющихся внешним обстоятельствам. Более того, респонденты, уверенные, что за свои права и интересы следует активно бороться, в несколько большей степени привержены моральным нормам, нежели остальные. Среди них выше доля людей с высоким моральным статусом (32% при 29% среди остальных) и, напротив, ниже доля людей, игнорирующих общепринятые нормы (29% при 33% среди остальных).

Два минувших десятилетия стали серьезным испытанием для россиян, заметно пошатнули их ценностные устои и нормы поведения. В условиях, когда государство фактически сложило с себя роль морального наставника, а другие общественные институты, в том числе церковь, не смогли на себя эту роль принять, общество оказалось практически без «руля и ветрил». Трудности социально-экономической адаптации подтолкнули многих россиян к освобождению от лишнего «морального груза», научили их обходить нормы, диктуемые обществом и государством. Игнорирование традиционных моральных предписаний стало экономически и социально выгодным – продвижение по социальной лестнице заметно легче давалось людям, не обремененным моральными нормами.

Однако традиционные ценности и смыслы, нормы обыденного поведения по-прежнему актуальны для большинства наших сограждан. И та обеспокоенность состоянием морально-нравственного климата в обществе, переживание за потерю социумом его моральных традиций, которые россияне сегодня демонстрируют – это не столько констатация утраты норм и традиций, сколько признак того, что общество и его граждане стоят на пути морального и нравственного выздоровления, остро чувствуют его необходимость. И лучшее тому подтверждение – возобновление межпоколенческого транзита моральных норм; пусть и незначительное, но моральное лидерство поколения 18–25-летних россиян на фоне старшей российской молодежи и поколения 31–40-летних россиян, чья приверженность традиционным нормам, особенно в отношениях с государством, была заметно «остужена» в «лихие 90-е».

²² Сумма цифр по парам суждений в 2003 и 2011 гг. может быть менее 100%, т.к. не указаны затруднившиеся с ответом.

В заключение правомерно поставить вопрос: что же представляют собою двадцать лет реформ по-российски? Можно ли представить их как линейный, последовательный процесс, как продуманную системную общественную трансформацию, в ходе которой каждый последующий шаг являлся логическим и политэкономическим продолжением и развитием предыдущих?

Убедительно очевидно, что представить содеянное таким образом невозможно. Как убедительно показывают приведенные данные, цельная, единая, внутренне согласованная в основных своих направлениях двадцатилетка реформ в стране не получилась.

А что получилось? Получилось то, что в новейшей истории России имеют место быть два относительно самостоятельных периода реформирования общества 1990-х – начала 2000-х гг. Первый период – ельцинское десятилетие; второй – в основе своей – путинское десятилетие. Главный и, наверное, самый справедливый вердикт им выносит народное большинство (причем разные социальные профессиональные и демографические группы). Первое десятилетие в массовых оценках и суждениях предстает как провальное, как время несбывшихся надежд, как череда непродуманных, нескоординированных по основным сферам жизни общества радикальных практических мер, которые привели в конечном счете к обнищанию огромной массы россиян и отбросили страну в ее развитии на многие годы назад. Особое рвение в эгоистическом переустройстве основ российского общества проявили так называемые младореформаторы, дорвавшиеся до дележки государственной собственности и оставившие народу пустопорожные ваучеры.

Второй десятилетний период реформ, связанный, прежде всего, с именем В.В. Путина, оценивается в общественном мнении как решительный поворот практической политики в сторону общества, наведения в стране конституционного порядка, выведения ее из самой острой фазы кризиса на траекторию устойчивого и стабильного развития. При том что преемственность от реформ начала 1990-х гг. получили такие базовые экономические институты как приватизация, частная собственность, либерализация цен и т.п., путинской команде удалось вернуть государство в социальную сферу, значительно снизить долю беднейших слоев населения, укрепить армию, поднять международный авторитет страны. И все же серьезные проблемы как наследие 1990-х остаются, ибо за одно десятилетие их не решить: это и всепроникающая коррупция, и глубокие социальные неравенства, и огромный разрыв в уровне доходов и качестве жизни между богатыми и бедными, что, безусловно, снижает общественный эффект практических усилий нынешней власти.

Литература

- Вебер А.Б.* (2011) Рынок и общество: Экономическое и социальное в общественных процессах. М.: ЛИБРОКОМ.
- Горшков М.К.* (2003) Российское общество в условиях трансформации. Мифы и реальность (социологический анализ). 1992–2002. М.: РОССПЭН.
- Горшков М.К.* (2011) Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики). М.: Новый хронограф.
- Готово ли российское общество к модернизации? (2010) / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь Мир.
- Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров) (2011) / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. М.: Весь Мир.
- Изменяющаяся Россия в зеркале социологии (2004) / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Летний сад.

- Красин Ю.А.* (2009) *Метаморфозы российской реформации. Политологические сюжеты.* М.: ИС РАН.
- Модернизация социальной структуры российского общества (2008) / Отв. ред. З.Т. Голенкова. М.: ИС РАН.
- Осинов Г.В.* (2007) *Социология и общество. Социологический анализ российской смуты.* М.: Норма.
- Петухов В.В.* (2007) *Демократия участия и политическая трансформация России.* М.: Academia.
- Российская идентичность в условиях трансформации: опыт социологического анализа* (2005) / Отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. М.: Наука.
- Российская повседневность в условиях кризиса* (2009) / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М.: Альфа-М.
- Россия на новом переломе: страхи и тревоги* (2009) / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. М.: Альфа-М.
- Симонян Р.Х.* (2010) *Без гнева и пристрастия: экономические реформы 1990-х г. и их последствия для России.* М.: Экономика.
- Социальные неравенства и социальная политика в современной России* (2008) / Отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. М.: Наука.
- Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое измерение* (2010) / Под ред. М.К. Горшкова. М.: Новый хронограф.